

Король-демон

19

ЛЬВЫ И ДРАКОНЫ

Виктор Ночкин

Виктор Ночкин
Львы и драконы
Серия «Мир короля Ингви»
Серия «Король-демон Ингви», книга 10

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171466*

Аннотация

Мир сотрясается. Началась война Льва и Дракона. Под знаменем Льва выступают войска императора Алекиана, одержимого идеей спасти Империю любой ценой.

Знамя Дракона – стяг Гевы, его несет незаконный, но любимый сын Гевского короля, Гезнур.

Наступило золотое времечко для авантюристов всех мастей – людей и нелюдей, чернокнижников и некромантов...

И, конечно король-демон не останется в стороне. Ведь решается судьба ЕГО Мира!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	61
Глава 7	74
Глава 8	84
Глава 9	95
Глава 10	107
Глава 11	117
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Виктор Ночкин

Львы и драконы

Пролог

Я много странствовал. Я скитался меж людьми. Я входил в поселения нелюдей. Случалось забредать в такие земли, где никто до меня не славил Создателей. Бывал я в краях столь диких, что картографы, нанося их на пергамент, снабжают пометкой: «Здесь водятся львы и драконы». Пустыня, печаль и уныние!

Каждый человек – истинное дитя Создателей, образ и подобие. А душа человеческая – образ и подобие Мира. Все мы творим собственный Мир, созидая свою душу. Мы строим наш крошечный космос так, как находим истинным и верным, населяем его образами друзей и близких... всех, кого считаем достойными вступить в нашу запретную заповедную вселенную. Живые, и покинувшие нас – они пребывают в Мире наших душ. Чем больше число тех, кого помним, о ком печемся и печалимся – тем живей, тем богаче наш Мир, наш маленький необъятный Мир.

Остережемся же оставить собственную душу без живого дыхания, растерять населяющих ее людей, обратить в пустыню, где водятся львы и драконы. Только львы и дра-

КОНЬ...

Мерк Новый

Глава 1

Войско Алекиана медленно приближалось к столице. После великой битвы минуло три недели, но только сейчас победители показались на подступах к Ванетинии. Позади колонн, неторопливо движущихся по Энмарскому тракту, небо перечеркивали высокие серые столбы дыма. Густые и плотные у основания, они постепенно склонялись, рассеивались под ветром, расплзались полупрозрачными клочьями, пятная белесый небосвод. Приближалась осень, но денек выдался погожий, так что дымные столбы особенно четко выделялись в безоблачном небе.

Три недели отряды Алекиана шли от замка к замку, «гонзорский император» выслушивал клятвы верности, принимал вассальную присягу... Замки сеньоров, о которых было наверняка известно, что они приняли сторону Велитиана, беспощадно сжигались, в некоторых, покинутых хозяевами, оставались гарнизоны... Сэр Брудо ок-Икern, имперский маршал, вел армию не торопясь, чтобы у принца Велитиана было время подумать над своим безнадежным положением и составить торжественную речь – о признании вины и отказа от прав на имперский престол.

Три недели, рассудил сэр Брудо, будет вполне достаточно, чтобы и туповатый принц сумел верно подсчитать собственные шансы.

Алекиан в алых доспехах ехал под имперским знаменем, обвисшим тяжелыми красно-желтыми складками, и вяло оглядывал окрестности. Вокруг, в стороне от дороги, не было видно ни души, даже крестьяне попрятались, узнав о приближении армии победителей. Заколосившаяся и почти поспевшая пшеница в покинутых полях колыхалась волнами – такая же золотая, как и орел на имперском знамени.

Впереди на дороге показалось облачко пыли – гонец сэра Кенперта Вортинского, командира авангарда.

Сеньоры, составляющие свиту императора, подтянулись к знамени, чтобы узнать новости.

– Ваше императорское величество! – гонец осадил коня в нескольких шагах перед Алекианом и неловко поклонился, брякнув доспехами. – Сэр Кенперт остановился у городских ворот. Они распахнуты, и представители цехов ожидают снаружи.

– Горожане готовы принять императора? – осведомился ок-Икерн.

– Сэр Кенперт полагает, что именно так. Не имея приказа вступать в переговоры с посланцами городского Совета, он ожидает на расстоянии двух полетов стрелы от стен. Однако вид ванетинцев говорит о покорности. Стоят без оружия. Велитиана или кого-то из придворных среди них мой сеньор не приметил.

– Что ж, господа, вперед! – бросил Алекиан, пуская коня рысью.

Городские ворота в самом деле оказались распахнуты настежь, а перед ними толпились синдики в темных нарядах. Особой радости их лица не выражали, цеховые старшины внимательно наблюдали за приближением императора. Что готовит им юный повелитель? Въезд младшего принца обернулся бойней и кровавой неразберихой... Оставалось надеяться, что старший брат окажется более благоразумен.

Когда Алекиан, сопровождаемый знаменщиками и оруженосцами, поравнялся с латниками авангарда и, не останавливаясь, проследовал дальше, маршал ок-Икери догнал его и попросил подождать. Император пожал плечами и пустил коня шагом. Несколько десятков латников галопом устремились вперед... обменялись несколькими словами с горожанами, въехали в ворота. Спешились, поднялись на башню... Ванетинцы, вздыхая, следили за их перемещениями – что ж, недоверие его величества понятно и естественно. Наконец гвардеец с башни подал знак конвою – все в порядке, можно въезжать. Пестрый кортеж двинулся к воротам.

Наиболее уважаемые представители гильдий выступили навстречу Алекиану и, протягивая на бархатной подушке символические ключи от города, склонились перед юным повелителем. Самый старый прошамкал, с трудом сгибаясь в пояснице:

– Ваше императорское величество, благоволите получить символ нашего верноподданнического усердия. Всей душой рады мы возвращению законного повелителя...

Синдики с тревогой следили за выражением лица молодого монарха – как примет он знаки покорности? Особой вины за собой горожане не чувствовали, поскольку большой преданности узурпатору город не проявил, теперь это можно счесть заслугой. К тому же Алекиана помнили рассудительным и даже нерешительным юношей, не склонным к жестокости. Но власть, как известно, меняет людей. Каков окажется новый император на деле?

Алекиан равнодушно поглядел на огромные позолоченные ключи, кивнул и тронул конские бока каблуками, направляя в ворота. Горожане расступились перед ним, переглядываясь не без тревоги: хороший ли это знак, такое спокойствие его императорского величества? Не таится ли здесь угрозы?

Но что же они, простые люди, могут поделать? Остается только ждать. Алекиан пустил коня шагом, за ним по мостовой стучали копыта лошадей конвоя. Потом – гвардейцы, гонзорские рыцари, дружины баронов... Въезд в столицу империи напоминал скорее завоевание, чем торжественное возвращение законного повелителя. Грохот и лязг доспехов, хмурые лица за опущенными забралами, частокол копейных жал покачивается перед окнами второго этажа...

* * *

Ингви потянулся и только потом раскрыл глаза. Потолок

спальни в Альхелле – такой знакомый... каждая трещинка в каменных сводах, каждое пятнышко... По стенам – старые выцветшие гобелены – король Кадор-Манонг, точь-в-точь, как и сам Ингви, не решился ничего менять в убранстве спальни. Хотя нет, кое-где прохудившееся шитье было залатано пестрыми новыми нитками. Ингви почему-то сразу решил, что постаралась ведьма Фенька, пассия Кадора. Очень уж выделялось новое шитье на сером фоне выцветших старинных полотен – так же, должно быть, несуразно выглядела эта разбитная вульгарная бабенка в древнем дворце альдийских королей...

Но потолок, разумеется, остался прежним. Ингви вздохнул. Как давно он не видел, просыпаясь, этого потолка... Тем более, что последний год царствования оставался ночевать не здесь, а в кабинете, уступив спальню воспитаннице... Как давно это было... а вчера Ннаонна затащила его в спальню... Ннаонна...

Король пощупал постель рядом – только смятые одеяла, девушки не было. Ингви сел и огляделся. Вампиресса, встав на цыпочки, глядела в окно. Взлохмаченная макушка черным силуэтом вырисовывалась на фоне унылого неба. Подоконник высокий, вряд ли снизу видно, что девушка не удосужилась одеться.

– Ты бы хоть накинула что-то, – Ингви улыбнулся.

– Вот еще, – Ннаонна, не оборачиваясь, дернула плечом. –

Оттуда ничего не видно.

– Простудишься. Пол холодный.

– Ой, какие мы заботливые... Между прочим, я стою на твоём плаще.

В самом деле, одежда в беспорядке была разбросана по полу.

– Отлично, На. Давай его сюда! А то вдруг кто-то заглянет.

– Никто не заглянет, – отрезала девушка. Впрочем, она отвернулась от окна и принялась собирать разбросанную одежду. – Ты вчера шуганул Никлиса и запер дверь заклинанием. Сказал им всем, что хочешь выспаться. Обманщик. Ты вовсе не спать хотел.

Вампиресса швырнула королю скомканный ворох одежд.

– Спать я хотел тоже, – заметил Ингви, натягивая брюки. – Ты, кстати, одевайся. Нам сейчас предстоит очень многое. Первый день правления, не шуточки! Наверняка в коридоре толпа дожидается. А что ты в окно высмотрела?

– Ничего особенного. Это окно во двор выходит. Там все привычно так... Ску-учно-о... Ингви, давай что-то придумаем? Праздник какой-нибудь или еще что-то?

Ннаонна потянула через голову черную шелковую рубашку и ее голос звучал глуховато из-под складок. Ингви с улыбкой наблюдал за девушкой.

– И какой же праздник? Водворение на престол законного монарха? Тоже как-то скучновато.

– М-да, это слишком просто, – вампиресса на минуту задумалась. Потом улыбнулась. – О! Я придумала! Давай по-

женимся!

– Поженимся? Хорошая мысль. Интересно, как ты этот... этот акт себе представляешь?

– Ну, как... обвенчаемся. В соборе.

– Чтобы все как у людей? – король ухмыльнулся.

– Чтобы все как у людей.

– В соборе?

– В соборе. Епископ, певчие, толпа вассалов. Снаружи народ – это, как его? Ликует! А что?

– Ничего, ничего, – улыбка Ингви стала еще шире, – демон с вампиром у алтаря, и епископ взывает к Гилфингу Светлому, умоляя освятить такой союз. Хорошая идея! Мир содрогнется. Ладно, заканчивай туалет, посмотрим, что ожидает нас в коридоре.

Ингви натянул сапоги и направился к двери – отпирать. В коридоре короля в самом деле ждали. Никлис, несколько слуг, солдаты в желтых плащах... позади еще несколько человек – лица все знакомые, это цеховые старшины. Когда король перешагнул порог и вышел из спальни, держа за руку Ннаонну, все разом улыбнулись.

– Доброго, слышь-ка, утречка вашему величеству, – выступая вперед, произнес Никлис. – Эта...

Улыбки стали еще шире.

Как объявился в Геве Гезнур, не знает никто. Ни в одних воротах стража не заметила его появления, граф Анракский не назвался охране и не был узан. Никого не окликнул на улицах, ведущих к дворцу, ни с кем не поздоровался. Сопровождаемый лишь колдуном Лопсилем и безымянным «цирюльником», граф серой тенью пересек город и назвал себя только караулу в воротах королевской резиденции. И только там снял широкополую шляпу, чтобы его узнали.

Сержант стражи поклонился, скрежеща латами, и Гезнур прошел внутрь. Теперь, напротив, он хотел, чтобы его видели как можно больше народу – окликал слуг, громко осведомлялся, где сейчас его величество. Графу указали покои, в которых теперь находится Гюголан II. Весть о возвращении старшего сына короля разнеслась по дворцу и достигла королевских ушей, прежде чем Гезнур добрался в северную часть дворца, где, как ему сообщили, пребывает отец. Когда граф, припадая на раненную ногу, поднялся по лестнице на второй этаж, навстречу ему уже двигалась целая процессия – сам Гюголан II, телохранители, секретари и вельможи. Старик протянул руки и заковылял к сыну, тот поспешил навстречу и обнял короля. Тело монарха сотряслось, будто бы от рыданий, однако, когда Гюголан отстранил сына, чтобы рассмотреть его повнимательней, глаза старика были сухи-

ми. Он не мог не почувствовать, как сын, обнимая его, тайком нащупал под королевским платьем кольчугу, сам же Гюголан, прижимаясь к графу, отыскал у сына заткнутый сзади за пояс кинжал. Оба не удивились – родная кровь!

– Что же ты не предупредил о возвращении?

– Зачем? Напротив, я держал в тайне свой приезд, батюшка, чтобы враги не смогли воспользоваться случаем. Я ехал по стране едва ли не в одиночку, было бы досадно, пережив невероятные приключения на юге, угодить в засаду в собственном краю. Зато здесь, во дворце, я назвался сразу же на пороге. Меня видели десятки придворных и солдат, так что безвестно пропасть мне уже не грозит.

– Ты боишься? В моем собственном дворце? Ты, мой сын?

Намек Гезнура был довольно прозрачен – конечно, никто, кроме самого короля, не мог бы отдать приказ тайно умертвить графа во дворце. Разумеется, теперь, когда его видели и узнали, эта опасность существенно меньше.

– Ты думаешь, кто-то мог бы попытаться напасть на тебя, сын, в этих стенах? Но Адорик мертв, равно как и Вортрих с Дейнстром... – король тяжело вздохнул, вельможи при этом соорили приличествующие скорбные мины. – Я потерял половину сыновей в один день... Как хорошо, что ты здесь, Гезнур! Ох, мне так нужно было, чтобы ты возвратился... Я велел следить за южной границей... приказал, чтобы сообщили, едва ты пересечешь кордоны. Если ты обеспокоен из-за этого, то напрасно. Ты нужен мне.

– Нет, я не боюсь. Однако осторожность не повредит, верно? Я слышал о смерти братьев... Но у тебя еще довольно наследников, чтобы обойтись без меня...

– Сынок, – оборвал Гезнура король, – по-моему, нам лучше поговорить с глазу на глаз. Семейные дела следует обсуждать в семейном кругу.

– Подождите меня здесь, – велел граф сопровождавшим его людям.

– Я распоряжусь, чтобы их накормили, – встрепенулся король, – на кухне.

– Вели лучше, чтобы им принесли что-нибудь сюда, – попросил Гезнур, – они могут понадобиться.

Король оперся на подставленную Гезнуром ладонь, и они зашагали к кабинету его величества. Со стороны сцена выглядела достаточно трогательно – отец и сын вместе после долгой разлуки. Но гевских царедворцев притворная сердечность не могла обмануть. Они тут же принялись шушукаться, обсуждая вероятные изменения в придворном раскладе, неизбежные после возвращения старшего сына его величества.

Когда дверь за отцом и сыном захлопнулась, вельможи заговорили громче, совершенно не стесняясь присутствием Лопсиля и графского телохранителя – да и чего стесняться? Это Гева, здесь подобные разговоры в порядке вещей. И разве не о том же пойдет речь в королевском кабинете?

Глава 2

На улицах было так тихо, что цокот копыт по булыжнику и металлический лязг доспехов порождали гулкое эхо. Изредка хлопали ставни. Ни один ванетинец не вышел навстречу процессии, женщины не спешили на рынок, не играли дети, даже нищие попрятались. Могло бы показаться, что город вымер, обезлюдел, но стоило поднять голову – и взгляд без труда отыскивал в окнах между неплотно прикрытыми ставнями хмурые лица жителей. С тревогой они глядели на шествующую по столице армию – рыцарей, гвардейских латников, на знаменосцев и стрелков...

Кавалькада пересекла южную часть города и вышла к дворцу.

Ворота Валлахала были распахнуты настежь. Несколько латников пришпорили коней и въехали во двор. Ничего не произошло. Маршал подъехал к Алекиану, собираясь что-то промолвить, но тот остановил ок-Икерна жестом руки и двинул коня вслед за авангардом. Миновав ворота, император огляделся. Двор выглядел заброшенным. В дальнем углу, под стеной громоздились обломки тела тролля, убитого в ночь переворота. То тут, то там валялся мусор, обрывки документов, чернели кострища, а перед лестницей, ведущей во дворец, лежали трупы собак.

– Собак-то за что? – тихо спросил кто-то из молодых дво-

рян за спиной императора.

Отвечать никто не стал. Ок-Икерн начал распоряжаться – велел солдатам, знакомым с расположением комнат Валлахала, спешиться и обыскать дворец. Отправил несколько отрядов занять ворота. Латники опрометью бросились выполнять распоряжения. Любое действие казалось спасением от гнетущей, давящей кладбищенской тишины. Солдаты будто нарочно старались производить как можно больше шума, заглушить гулкое отсутствие звуков...

А Валлахал был пуст – исчезли бойцы, оставленные здесь Каногором для охраны, разбежалась прислуга, не явились на службу чиновники.

Алекиан неторопливо спешил, бросив поводья оруженосцу, поспешно подскочившему, чтобы придержать его императорскому величеству стремя. Поправил перевязь тяжелого меча и медленно зашагал к лестнице, ведущей во дворец. Ок-Икерну, присоединившемуся к нему, монарх бросил:

– Я очень верно поступил, когда не стал брать с собой Санелану. Она могла бы чересчур разнервничаться при виде этого... Маршал, распорядитесь созвать прислугу. Я хочу, чтобы солдаты постарались объяснить, невинных наказывать не станем, пусть люди явятся во дворец и займутся делом, пусть приберут все и вывезут мусор. И этот тролль... Немедленно вывезти тушу, она производит неприятное впечатление... Поверженный тролль, словно символ – понима-

ете? Разыщите Гиптиса, он должен собрать Изумрудов, всех, кто остался, – хотя император не глядел в его сторону, ок-Икери кивал в ответ на каждую фразу. – Этого пока достаточно. Прежде всего, Валлахал следует привести в порядок. Все прочие дела – потом. Все, что найдется ценного, надлежит взять под охрану, потом сочтем и разберемся. Также необходимо разыскать Велитиана...

– Разумеется, ваше импера... – осмелился вставить маршал.

Алекиан, не обращая внимания на реплику рыцаря, продолжал все так же монотонно:

– ...И найти тела батюшки с архиепископом. Очевидцы утверждали, что они были убиты вместе. Должно быть, они...

Император шумно сглотнул, затем продолжил с усилием:
– Должно быть, и лежат где-то поблизости... вместе. Непременно разыщите. Покойного императора следует похоронить с почестями. Я хочу быть уверен, что отец покоится с миром в фамильной усыпальнице.

Ок-Икери снова кивнул. Теперь он не решался вставить слово. Пока Алекиан отдавал распоряжения, они дошли в тронный зал. Повсюду виднелись следы запустения и грабежа. Кое-где двери оказались сорваны с петель, в проемах виднелась переломанная мебель. Несколько гобеленов в галереях, сорванные с крюков, лежали на полу, скомканные и отброшенные с дороги. Можно было предположить, что на-

емники либо сантлакские дворяне, хозяйничавшие во дворце, нарочно портили обстановку – будто хотели привести великолепный дворец в более привычное им ничтожное состояние... Сейчас повсюду суетились гвардейцы – торопливо проверяли помещения по пути следования его величества, нет ли засады. Но Валлахал оказался пуст – должно быть, впервые со времени постройки во дворце не было ни души.

Вот и зал. Алекиан снова, как и во дворе, поднял ладонь, останавливая маршала – и один прошел к императорскому трону, неторопливо ступая по запачканному ковру. Медленно поднялся по ступеням... Сел, звякнув алыми доспехами. Ок-Икери невольно отступил на шаг – до того непривычным и... даже... пугающим был вид Алекиана, глядящего поверх головы рыцаря – куда-то в видимую одному лишь молодому императору даль.

* * *

Ингви оглядел собравшуюся в коридоре толпу и развел руками:

– Я не знаю, с чего начать... А внизу – еще много народу дожидается?

– Не только внизу, твое демонское величество, – подтвердил Никлис, – снаружи толпа собралась. Полдворца просителей – купцы энмарские с жалобами, слышь-ка, на рыцарьков, сами рыцарьки эти, да цеховые наши, да писари с гра-

мотками, да эльфы с орками, да...

– Постой, постой! – король поднял руки, останавливая Никлиса. – Сперва отправь кого-то в Замок Вампиров за Мертенком, потом – завтрак... ну а потом...

Ингви тяжело вздохнул.

– Потом... начнем принимать всех в тронном зале.

– Завтрак ожидает ваше величество. А Мертенк, может, побоится ехать. Не поверит, – подсказал пожилой слуга. – Он теперь никому не верит.

– Ну, отправьте за ним эльфа с орком, – велел Ингви, – это его убедит. Кстати, где сэр Валент? Он тоже явился?

– Нет, ваше величество, – поклонился старик, взявшийся отвечать королю, – говорят, остался в имперской армии.

– Ах, да, мне вчера кто-то говорил. Досадно... Ладно. На, идем перекусим.

Толпа слуг расступилась перед королем и вампирессой, образуя коридор несмело улыбающихся лиц, за спиной Ингви толпа снова смыкалась. Демон, держа за руку Ннаонну, двинулся в трапезную. В самом деле – вереница желающих поглядеть на него тянулась по лестнице, много народу столпилось на первом этаже. Когда король приближался – приветствовали, кланялись... Несколько орков и эльфов держались особняком, но желали пообщаться с его величеством не меньше, чем люди. Вот-вот должны были появиться их сеньоры – Филька с Кендагом. Ингви, кивая и улыбаясь, прошел в трапезную, где ожидал накрытый стол.

– А почему столько вина?

– Простите, ваше величество... при злом короле такой порядок заведен был... Наши сопляки забыли уже, как надо...

Пожилой слуга подтолкнул кухонных мальчишек, те то-ропливо кинулись убирать лишние кувшины. Они не забыли, они просто не знали, каковы были порядки прежде, до Кадор-Манонга. Этих ребят набрали в прислугу уже после Альдийской войны, взамен тех, что укрылись с Мертенком в Замке Вампиров.

Никлис, который сам себя назначил мажордомом, не впустил никого следом за королем и Ннаонной, решительно оттолкнул особо настырных, и закрыл дверь. За стенами слышался гул разговоров, люди и нелюди с нетерпением ожидали приема.

Торжественной трапезы не вышло, Ингви жевал и заранее размышлял, кто из просителей чего станет домогаться, и как кому половчее отказать. А ведь отказывать придется многим. Ннаонна несколько раз пыталась завести разговор, но, видя задумчивость короля, отстала и занялась дегустацией многочисленных блюд. Королевский стол при Кадор-Манонге стал богаче, это уж точно. Есть девушке не очень-то хотелось, но интересно было попробовать многочисленные диковинно выглядящие закуски из серебряных вазочек, тарелочек и сосудов, которым и названия-то вампиресса не знала. Постепенно она увлеклась, остановил ее только вопрос Ингви:

– Интересно, сколько вся эта посуда может стоить?

– Посуда? – девушка растерялась.

– Ну да. Поначалу потребуется очень много денег... Это все можно пустить в переплавку, так как художественной ценности утварь не представляет. Ладно, если хочешь, оставайся, поешь, а я...

Ингви встал, отодвинув тяжелый резной стул. Ннаонна торопливо вскочила:

– Нетушки, я с тобой! Ни за что не пропущу это зрелище! И это... слышище!

Король улыбнулся:

– Ладно, идем! Никлис, вели слугам... ну, кто здесь постарше – пусть разыщут какую-то мантию... или что там найдется для торжественного приема. Я совсем забыл...

– Уже, твое демонское, все готово! Я им и слова не говорил, сами притазили – и камзолов, и этих, с мехом таких...

– Мантий, что ли?

– А Гангмар их знает, как называются... Одних только корон четыре штуки! Эта... Твое демонское, слышь-ка... – Никлис опустил глаза, изображая смущение, хотя и не очень старательно. – А можно я себе кой-чего возьму из шмоток королевских?

– Уже стащил что-то, небось, а? – Ингви только теперь обратил внимание на то, что бывший воришка щеголяет в дорогом камзоле, который ему явно узковат в плечах.

– Есть такое дело, – бывший вор перестал смущаться, –

но я, твое демонское, чего поплоче взял, чтоб мне лопнуть. А как же? Мне же теперь эта – небось, должность какая при дворе положена? Звание высокое? Могу ли я моего природного государя дрянной своей одежкой – это, опорочить? Что ж тогда послы чужедальних стран скажут? Скажут – вот он, самый, что ни есть, наивернейший слуга, а ходит в обносках! Разве ж мыслимо? Эта...

– Нет, Никлис, немислимо. Пусть лучше скажут – вот наивернейший слуга, а и тот тянет у его величества все, что плохо лежит. Что уж тогда говорить о прочих, не наивернейших? Все, все, взял – пользуйся. Но впредь чтоб прекратил тащить. Я тебя... – Ингви задумался. – Я тебя начальником стражи сделаю! Будешь ловить воров и прочих преступников.

– Да как же я... Да мне... неможно мне... эта...

– И слушать не хочу! Все, Никлис, вели тащить сюда короны и мантии, а публика пусть собирается у тронного зала. Скажи всех сегодня приму... если выживу.

Пятнадцатью минутами позже король-демон воссел на старинный альдийский престол и аккуратно расправил тяжелые багровые складки мантии. Ннаонна, в неизменном черном наряде, заняла место на широком подлокотнике трона, подтянув одну ногу и свесив другую, положила подбородок на колено и покосилась на короля. Ингви сумел не рассмеяться.

– Впускай их по одному, господин начальник стражи! –

велел он Никлису.

* * *

В кабинете Гюголана жарко пылал камин. Подле стояло кресло, в нем – небрежно отброшенная отороченная волчьим мехом накидка. Король отшвырнул ее, когда слуги принесли весть о возвращении Гезнура.

Гюголан подобрал накидку, сел в кресло и закутался поплотней.

– Садись, сынок! – король указал стул. – Придвигай поближе, садись рядом... Я все не могу согреться... Возраст, по-видимому. Садись...

Гезнур огляделся, заметил стул, переставил к камину. Сел.

– Я не так представлял нашу встречу, – задумчиво произнес король, – мне бы хотелось, чтоб ты вступил в Геву под звуки труб, сопровождаемый свитой... я принял бы тебя, сын, в тронном зале, окруженный советниками и сыновьями... И чтобы ты предъявил нам оружие древних, способное спасти королевство... А Гева ныне нуждается в спасении! Появись ты таким образом, никто не стал бы покушаться на твою жизнь, и мы вместе...

– Ты имеешь в виду Адорика? – перебил короля Гезнур. – Вряд ли он перестал бы доискиваться моей гибели, даже владей я забытым оружием Проклятого Принца. Впрочем,

тогда мы бы еще поглядели, кто кого...

– Адорик пал на поле брани, – строго заметил король, – стяжав победу. Благодаря его отваге мы разгромили фенадское войско. Но все равно я не смог бы принять тебя нынче в парадном зале. Представь себе, нынче лепные украшения обрушились со стены, и огромный кусок штукатурки свалился на сидение трона. Окажись я там, вряд ли бы выжил. Как ты полагаешь, что это было? Знамение? Случай? Или покушение?

Граф нахмурился.

– Я не слишком-то верю в случайности и знаменья. Кому может быть выгодна твоя смерть, отец? Если бы Адорик не погиб, я бы подумал, что это он. Или Вортрих... Но мои братья мертвы... Скорее, кто-то из вельмож, намеревавшийся править от имени младших принцев. Или даже император?

– Я тоже бы думал на Алекиана, – согласился Гюголан, ухмыляясь, – но у сопляка не хватило бы времени, он нынче слишком занят тем, что карабкается на чересчур высокий для него отцовский престол. Однако, как бы там ни было, с твоим возвращением нависшая надо мной опасность исчезла. Вряд ли среди наших противников найдется такой дурень, чтобы ценой моей жизни возвести на престол тебя. Ты ведь мечтаешь занять трон Гевы? И уничтожить младших братьев? Гезнур, я прошу тебя, пощади их!

– Но отец... разве я...

– Идем! – дряхлый король неожиданно порывисто встал.

Одной рукой Гюголан стянул у горла накидку, чтобы не свалилась, другой схватил подсвечник. – Идем, я хочу кое-что тебе показать.

Гезнур пожал плечами, поднялся и последовал за стариком. Король увлек сына к дверце в задней стене кабинета. Миновав анфиладу погруженных в полумрак галерей, они оказались в небольшом зале, где дремали двое латников. Заслышав шум шагов, солдаты торопливо поднялись. Гюголан махнул рукой и повел графа в комнату, вход в которую стерег караул. Там была спальня. Едва тлеющие в камине угли скупо освещали две кровати, разбросанные по полу игрушки, груды одежды на полу. Двое мальчиков – младшие сыновья старого короля. Гюголан поднял свечу. Бледный болезненный Гюголан Младший обнимает подушку, тонкие пальцы мальчика почти сливаются с белоснежным бельем, а румяный Редлихт заснул, сжимая деревянный меч – он дышит неровно, то и дело вздрагивая. Должно быть, сражается с полчищами врагов во сне...

– Смотри, Гезнур, смотри – это твои братья. Я хочу, чтобы они жили.

– Разве я покушался на их жизнь? – граф пожал плечами. – Разве от меня зависит их безопасность?

– Теперь, когда не стало старших – Адорика, Вортриха, Дейнстра – их жизнь в твоих руках.

– Ты хочешь, чтобы я поклялся?

– Нет, просто скажи «да». И завтра же я объявлю тебя сво-

им соправителем.

– Да.

– Я верю тебе, сын. Идем, покажу тебе еще кое-что.

Из детской спальни король привел сына в тронный зал. В самом деле, здоровенный кусок стены над троном обвалился, куски оттащили в сторону, но свежие царапины и сколы на троне указывали, куда рухнули обломки. Рабочие уже успели залатать свежим раствором дыру в стене, но барельеф пока что не был восстановлен – так что сырая масса, пока еще бесформенная, угрожающе нависала над престолом.

– Садись! – велел король, указывая подсвечником, пламя заколыхалось, огромные уродливые тени Гюголана и Гезнура запрыгали по стенам.

Граф послушно сел. Огляделся. Затем уставился вверх – ему вдруг стало страшно, что этот тяжелый сырой ком свалится на голову. Гезнур поежился и поспешно покинул трон.

– Да, – кивнул старый король, – теперь ты видишь, что такое наш гевский престол. Страна ныне в опасности, ты почувствовал это?

– Знаешь, отец, я... я не добыл оружия Проклятого Принца. Но мы, пожалуй, сумеем воспользоваться тем, что нашлось в Могнаке Забытом. Нужно только правильно повести дело.

– Займись этим, – тихо, почти шепотом, вымолвил король, – и помни о своем обещании. Я люблю твоих братьев... почти так же сильно, как и тебя, мой мальчик.

Глава 3

Сэр Деймур, владелец Хиланы, богатого поместья на северной границе Нелльского герцогства, был озабочен. Когда из Феллиоста явились первые беженцы, рыцарь счел их рассказы глупой выдумкой и постарался поскорей спровадить беглецов далее на юг – благо, они сами спешили оказаться подальше от родных краев, захваченных эльфами. Сэр Деймур счел, что эти люди, челядь северных сеньоров, поддались панике, вызванной нелепыми слухами. Как могли эльфы, на протяжении десятков лет не решавшиеся пересечь Великую, напасть на имперские земли по эту сторону реки? Как могло произойти такое – и чтобы весть о войне не предварялась гонцами маркграфа Феллиоста? Нет, невозможно!

Однако вслед за этими беглецами появились и другие – люди спасались, охваченные ужасом перед нашествием эльфов, будто бы переправившихся через Великую и овладевших сперва Аривной, а затем и другими феллиостскими замками. Не хотелось верить в такое... Затем пришло достоверное известие – маркграф Регель убит, а нелюди, вооружившиеся трофейным оружием, захватывают все земли и уже приближаются к нелльской границе...

По мере того, как через Хилану уходили на юг все новые и новые беглецы, росло беспокойство Деймура. Если прежде рыцаря занимала лишь цена, по которой были готовы по-

купать продукты согнанные с собственных земель северные соседи, то теперь он озаботился предложить службу тем из феллиостцев, кто выглядел более браво. Прежде-то Хилана не нуждалась ни в большом числе латников, ни в могучих стенах – а теперь? Если на протяжении долгого времени север Неллы считался мирной провинцией, и самым опасным врагом казались банды фанатиков, так называемые «гилфинговы пасынки», то нынче с каждым днем уменьшалась полоса земли отделявшей владения сэра Деймура от территорий, захваченных нелюдями. Теперь не осталось сомнений в правдивости того, что рассказывали беженцы.

Три дня назад рыцарь велел спешно подправлять стены Хиланы и свозить в замок продовольствие. Три дня назад... А ночью примчался гонец от соседа – старого сэра Рохольда, владеющего поместьем в Феллиосте, по ту сторону границы. Сын старика погиб вместе с маркграфом при неудачной попытке отбить у нелюдей Аривненский замок – и нынче дряхлый Рохольд не надеется на собственные силы... просит соседа о помощи. Его поместье осаждено шайкой эльфов.

Итак, теперь сэр Деймур стоит на стене и наблюдает за приготовлениями во дворе замка. Полторы дюжины латников – и прежние вассалы, и вновь принятые на службу, родом с севера – седлают коней и натягивают кольчуги. Люди Деймура не очень-то опытные бойцы, но соседа нужно выручать... Если не дать нелюдям отпора сразу, потом может оказаться поздно. На помощь из Ванетинии нынче рас-

считывать не приходится, новый император вряд ли станет торопиться с помощью удаленным провинциям. Надеяться следует на собственные силы – помогать соседям и верить, что помогут тебе, если Гилфинг допустит худшее... В конце концов, нужно только продержаться несколько месяцев, пока у его величества дойдут руки до здешних дел. Подоспеет подмога и эльфов снова отбросят за Великую – широкая река опять будет рубежом между империей и владениями нелюдей. Разумеется, граница между Неллой и Ферллионтом таким рубежом быть не может, это только полоска на карте, она не послужит преградой тяжелой кавалерии – такой трудной преградой, как Великая.

Рыцарь тяжело вздохнул, еще раз оглядел затянутые предутренним туманом окрестности и зашагал к лестнице, ведущей вниз, во двор. Оруженосец уже подвел оседланного жеребца и поджидал сеньора. Сэр Деймур взгромоздился в седло, махнул рукой... со скрипом поехали наружу створки ворот... Вслед за сеньором из замка потянулась вереница латников. Они зевали, почесывались и ежились под волчьими плащами. Начиналась осень, и густой туман уже успел пропитать одежду сыростью.

Отъехав от замка на несколько десятков шагов, дворянин спохватился, нужно выслать дозор! Как бы нелюди не устроили засаду в таком тумане! Правда, пока что отряд движется по нелльской земле, до феллионтской границы далеко... но признают ли нелюди границы феодалов? Сэр Деймур отдал

распоряжение – трое латников прищпорили лошадей и вскоре скрылись с молочной пелене. Прочие ехали по накатанной дороге, вглядываясь в полускрытые туманом кусты справа и слева. Копыта стучали глухо, туман не только ограничивал видимость, но и, похоже, гасил звуки.

Когда солнце поднялось повыше, сразу стало теплее и туман начал быстро рассеиваться под яркими лучами, серый цвет над головой сменился голубым. Сразу стало веселее, латники прекратили зевать и чесаться, подтянулись и вслед за сеньором пустили коней быстрее. На холме впереди показались всадники, сэр Деймур узнал своих дозорных и прищпорил жеребца. Интересно, что там впереди? Почему они остановились?

Старший из латников дозора развернул коня и двинулся навстречу кавалькаде.

– Дорога закрыта, сэр Деймур, – доложил он.

Сеньор не стал переспрашивать, что имеет в виду вассал, он просто ударил коня пятками и, оказавшись на гребне холма, поглядел вниз. Что там могли устроить нелюди? Выстроить ограду? Повалит поперек дороги деревья? Выкопать ров?..

Все оказалось гораздо хуже... Дорога не была перекрыта, она просто исчезла. В ложине, там, где еще вчера лежал хорошо наезженный купцами тракт, теперь поднимался лес. Не вековой бор, но деревья выглядели достаточно высокими и толстыми, будто стояли здесь не менее десятка лет.

Сэр Деймур и прежде слышал об умении эльфов выращивать за ночь леса, а вот увидеть довелось впервые... Так вот, значит, чем решили враги оградить вновь отторгнутые от империи земли. Охраняемые эльфами чащи – лишь немногим менее надежная преграда, чем Великая река...

* * *

– Что-то я тебя не пойму, мил человек... – лэрд Каст дойдя Лан-Анар тяжело заворочался на неудобном каменном сиденье.

Обычай повелевал вести переговоры, восседая на каменных плитах в Долине Эйегер. Так заведено испокон веку – принимать решения и давать нерушимые клятвы в кругу камней, установленных стоймя в незапамятно древние времена. Внутри круга стоячих камней находится другой круг, поменьше – образованный сидениями из каменных плит. Что-то вроде дюжины гранитных кресел с подлокотниками, но таких здоровенных, будто здесь держали совет великаны. Обычай велит собираться для переговоров в каменном кругу Эйегер, но разве обычай запрещает устилать каменные сидения шкурами? Нынче ведь не лето, солнышко на убыль идет, недолго и задницу отморозить... В следующий раз, подумал лэрд, непременно следует велеть, чтобы шкурами камни покрыли.

– Я не человек, – неторопливо напомнил собеседник,

крупный гном в доспехах, выложенных тончайшими серебряными нитями, сверкающими, словно ледяной узор в солнечный морозный день. – И что же в моих словах непонятного? Вы – владыки здешнего края. Я предлагаю вам союз, очень выгодный союз.

Лэрд покосился на соседей, занимающих места справа и слева. Рыцарь Кернит сидел неподвижно, прямой, как палка, и пялился куда-то в просвет между стоячих камней – поверх головы гнома. Ученик дважды умершего Анра-Зидвера, имени которого лэрд Каст не знал и знать не хотел, опять что-то жевал. Будто не наестся никогда... Нет, от таких советников толку не будет, опять придется самому... Дой-Лан-Анар, кряхтя, сменил позу и снова завел:

– Мы же побили вас, так? И тут ты, мил челов... э... И тут ты снова являешься – да с чем?! Пропустить твоих гномов в наши горы? Мы же бились, насмерть бились, чтобы вашего брата в наши горы не пускать? А? Сколько земляков полегло! А ваших сколько!

Гном не обиделся. Улыбаться, правда, перестал. Принялся спокойно объяснять:

– Послушай, лэрд. Я признаю, в битве вы, люди Малых гор, победили. Все верно. Поэтому я пришел с просьбой... Нет, я сперва кое-что объясню. Вот скажи: твой принц, который сбежал от нашего войска, его закованные в железо подручные – братья ли тебе? А его придворные в шелках и бархате – братья?

– Да какие они мне братья, – лэрд махнул рукой, – они и не наши вовсе, не *верхние*. Просто порядок был такой, его светлость принц – наш господин... ну, вроде как судья над нами, лэрдами. Порядок такой. Старинный порядок. Положено испокон веку.

– А если я спрошу, – продолжил гном, – братья ли тебе купцы из городов? А крестьяне из... ну, скажем, из Андруха? Из Ванета? Из Тилы?

Лэрд крикнул. Какие же братья ему, *верхнему*, эти людишки *из низин*, да еще из таких дальних?

– Вот видишь, – гнул свое седобородый карлик, – не все люди тебе братья. Так и у нас, гномов. Я сам из здешних мест. Имя мое Гравелин, последние малогорские короли – моя родня. Те, кто бились с вами, они из других кланов, понимаешь? Что им Малые горы? Только добыча... А мне здесь – родные края. Я за эти скалы с орками дрался больше двух веков назад... Слыхал ты про Сына Гангмара? Про волчьих всадников? Я с ними сражался, и эти горы отстоял. Мой дядя, Драмлин-король, жизнь сложил в Великой войне. Поэтому-то нынешний гномий король мне не позволяет в эти края отправляться – боится, что я ему подчиняться не стану, едва в своем родном краю обоснуюсь. Вел против вас войско полководец Крактлин из Дремстока. Я ему советовал миром с вами решить, он не послушал... Был бы я здесь, много жизней нам бы удалось сохранить.

– Так ты, стало быть, тоже наш, *верхний*? – дой-Лан-Анар

наконец-то сообразил, куда гнет собеседник.

– Да, я здешний из Малых гор, – улыбка Гравелина стала шире. – Я прошу тебя, земляк, позволь нам жить здесь. Мне и моим подданным. Мы заключим союз.

– Мы, *верхние*? – уточнил горец.

– Мы, народы Малых гор. Я приведу своих, нас немного, около четырех сотен семей. Мы станем жить в пещерах и подземельях, вы – как и теперь, на поверхности. Станем торговать, станем помогать друг другу. Если нагрянет враг – хоть ваш принц, хоть гевцы, хоть орки, а хотя бы и чужие гномы – встанем против них вместе! Мы – народы Малых гор!

– А... разве можно так?

– В королевстве Альда королю служат люди, орки и эльфы, – гном пожал плечами. – Почему же и нам нельзя?

– Я – это... – Каст облизнул пересохшие губы и украдкой огляделся на соседей. Рыцарь помалкивал, колдун жевал. – Мне бы с другими лэрдами посоветаться. Дело-то серьезное...

– Конечно, – гном кивнул, – посоветайтесь, не спешите. Важные вопросы не решаются без совета. Я подожду. Ждал двести пятьдесят шесть лет... подожду еще немного.

Гравелин говорил уверенно и спокойно – он чувствовал, что дело сделано, толстый человек на каменном троне напротив согласен. А остальные поступят по его слову, это точно. Гравелин хорошо разбирался в повадках людей... хотя

эти *верхние* отличаются от прочих, очень сильно отличаются. Они похожи на его, Гравелина, единоплеменников. Такие же неподатливые, упрямые, тяжелые. Как камни Малых гор, среди которых они живут.

* * *

По тракту шагают двое. Передний дергает цепь, заканчивающуюся заклепанным ошейником на горле спутника. От ошейника тянутся еще цепи – к запястьям и лодыжкам. Когда первый дергает, оковы звенят, натягиваются и заставляют второго быстрее передвигать ноги. Второй, совсем юный парнишка, стонет, ругается, он не привык так долго шагать пешком, да и цепи весят немало. Одет он в жалкие лохмотья, которые к тому же явно с чужого плеча.

– Быстрее, быстрее шагай! – понукает передний, мужчина лет тридцати пяти. – Ишь ты, задумался он! Я твой хозяин, я велю шагать скорей!

Хозяин одет в засаленный камзол, на груди, на выцветшей ткани, просматривается пятно более свежего оттенка – след споротого герба. В другое время камзол выглядел бы подозрительно, но не сейчас. Когда свирепствует междоусобица, многим приходится скрывать имена господ, которым прежде служили. Кому какое дело, кем был раньше бродяга, чьим вассалом? Да никому.

Хозяин оглядывается – дорога пустынна. Ох, лихие вре-

мена настали... Купцы не рискуют отправляться дальше соседнего городка, а если и выезжают в дальний путь, то собираются большими караванами, нанимают охранников. Крестьяне заняты новым урожаем, вон далеко в полях виднеются согбенные фигурки в серых одеждах. Копошатся, набивают мешки, торопятся, пока никто не отнял скудного имущества...

– Я устал, железом ноги натер! – на глазах юнца выступают слезы, он смахивает их рукавом. – Сними цепи, я быстрее пойду.

– Еще чего, цепи сними... – бормочет старший. – А ну, как сбежишь? Нет, малый, я не хочу тебя потерять. Нам с тобой еще до-олго вместе шагать, так что привыкай к цепочкам, привыкай. И сопли утри. Скоро отдохнешь, впереди деревенька показалась, там на ночлег останемся. Постоялый двор, небось, в деревеньке имеется.

– Давай, давай, – зло бормочет парень. – Я там живо от тебя избавлюсь.

Мучитель снова дергает цепь, так что юноша спотыкается и едва не падает в пыль. Он вынужден ускорить шаги.

– Валяй, попробуй. Интересно, как ты от меня избавишься?

– Скажу, что ты мне не хозяин, вот как.

– Ну, скажи, – кивает старший, – Гилфинг тебе в помощь. Ты в цепях, а я нет. Если ты не мой раб, то чей же?

– Я не раб!

– Не докажешь. Я тебе, дурень, не советую даже попробовать. Или, может, просто крикнешь, кто ты таков на самом деле? Тоже дело, а чего! Знаешь, сколько тогда у тебя хозяев отыщется? Нет уж, малый, лучше держись меня и во всем покоряйся. Тогда, небось, проживешь еще, сколько Гилфинг попустит. Гилфинг добрый, он и не такое дерьмо, как ты, терпит.

– Я устал! – снова выкрикивает юноша. – Ноги стер!

– А я тебе зачем штаны подлинней дал? Я же советовал, намотай штанину в три слоя, чтобы кандалы не терли! Эх ты, дурак, дурак... Ладно, я подожду, подверни свои тряпки... А то и впрямь до косточек сотрешь, свалишься. Мне тогда тебя волочить придется... Ну что, справился? Тогда идем скорее, вон впереди дымок, видишь? Точно говорю, там постоянный двор сыщется. Идем!

Глава 4

Маршал ок-Икерн переступил с ноги на ногу, не зная, что сказать. Алекиан все так же глядел поверх головы рыцаря... Пауза затягивалась.

– Я думаю, – откашлявшись, произнес маршал, – нам следует возобновить прежний порядок, при котором на территорию Валлахала допускались только лица, внесенные заранее в особый список... исключая экстренные случаи, разумеется. Безопасность – прежде всего.

Алекиан склонил голову и поглядел в глаза воину, тот почему-то смутился и отвел взгляд – как будто его заинтересовали разноцветные осколки оконных витражей, обильно усеявшие пол.

– Все это верно, – медленно произнес император, – однако и строгий порядок не уберег от измены.

– Но...

– Нет, сэра, я не против. Все это верно... – снова последовала пауза. – Я думаю, следует назначить кого-то из наших дворян, пусть займется... Ну, караулы, расположение постов, эти самые списки посетителей, допущенных в Валлахал. Быть может, Кенперт из Вортина? Вполне достойный дворянин... Вы, сэра маршал, не должны быть связаны подобной рутинной, нам сейчас придется решать куда более сложные вопросы. Связи, объединявшие Империю, слабеют

с каждым днем, их следует восстановить теперь же, немедленно, и действовать весьма решительно! Потом будет поздно!

Валлахал тем временем наполнялся топотом, шумом голосов и бряцанием оружия. Солдаты, явившиеся с Алекианом, сперва держались неуверенно, ошеломленные величием опустевшей громады старинного дворца, но постепенно освоились.

– Ну а сегодня наиважнейший вопрос таков, – продолжил Алекиан, – где мой возлюбленный братец? Его не было в Южных воротах, городские старшины ничего не знают о том, где он находился последние дни... Дворец пуст. Где прячется этот щенок? Сбежал в Сантлак? В Геву? В Геву, конечно... Любой враг империи может рассчитывать там на добрый прием... Гева...

В дверях показался гвардеец. Заглянул, увидел восседающего на троне Алекиана – и растерялся. Потом, торопливо поклонившись, вошел.

– Ваше императорское величество... сэръ маршал.

– Говори, что там? – ок-Икёрн обрадовался возможности прервать гнетущий разговор с императором.

– Э... Прошу прощения. По-моему, его величеству хорошо бы... – солдат не знал, как сказать, – лично.

– Идем!

Алекиан поднялся, хрустя разноцветными стеклами, двинулся через зал. Солдат еще раз поклонился, развернулся и

зашагал прочь. Алекиан с ок-Икерном – следом. Вслед за гвардейцем они явились в небольшую тесную комнатку, служившую прежде складом. В коридоре перед входом валялись метлы, щетки, тряпье и прочая снасть, которой пользовалась прислуга для уборки. Заговорщики вышвырнули рухлядь, а саму комнатенку превратили в темницу, поскольку помещение не имело окон, а дверь была прочной, да и запиралась снаружи. Сейчас в коридоре толпились солдаты. Тревожно оглядывались, переступали с ноги на ногу, отшвыривая разбросанные по полу инструменты.

При появлении императора, латники, кланяясь, расступились. Алекиан вошел внутрь, маршал следом. Помещение было скудно освещено наспех сооруженными факелами – материалом послужили все те же тряпки и метлы. В углу лежал тщедушный человек в богатой одежде, обильно запятнанной спекшейся кровью. Узник был убит довольно давно, но тело пока не начало коченеть. Ок-Икерн нагнулся и осторожно перевернул покойника – лицо было изуродовано и покрыто сплошной кровавой коркой. Ни перстней, ни даже пуговиц на нем не было.

– Похож на принца Велитиана? – неуверенно произнес маршал.

Алекиан брезгливо пошевелил труп ногой.

– Да, – после паузы завил он. – И одежда тоже его. Пусть объявят, что мой несчастный брат мертв. Идемте, сэра маршал.

Удалившись от солдат, так, чтобы те не могли слышать, император вполголоса произнес:

– Сэр Брудо, как по-вашему, сколько часов мертв этот... в комнате?

– Думаю, дня два.

– Велите разослать по всем дорогам надежных людей. Брат сбежал около двух дней назад – если исходить из того, что свой наряд он напялил на несчастного незадолго перед тем, как убить.

– Так это не принц? Но зачем?..

– Так будет лучше. Для Империи один венценосец гораздо лучше, чем один венценосец и один претендент на престол. Так что для всего Мира брат мертв. Но настоящего Велитиана нужно найти и доставить сюда. Живым или мертвым.

– Но лучше живым? – на всякий случай уточнил сэр Брудо.

– Лучше?.. Нет, это абсолютно неважно. – император говорил размеренно и равнодушно. – Велитиан нынче будет объявлен убитым, значит он мертв. Ну а жив или мертв будет тот человек, которого... которого надлежит поймать поскорее – какая разница? Распорядитесь о погоне и собирайте наших сеньоров. Проведем совет. До сих пор нашей целью было попасть в Валлахал, теперь мы здесь, и следует подумать о дальнейшем.

Ингви ждал, что первым окажется кто-то из дворян, но новоявленный начальник стражи пригласил в зал епископа. Старик прошествовал через зал и, остановившись перед троном, молча уставился на короля. Тот махнул рукой Никлису и велел подать стул дряхлому прелату. Однако епископ отказался сесть. Слабым дрожащим голосом старик заявил:

– Прошу прощения, ваше величество... – тут у него перехватило горло, и он долго отхаркивался и сипел, – Прошу прощения... Я так рад, я... Я всегда говорил: лучше добрый король-демон, чем... Ваше величество, я так рад!

Ингви смутился и промямлил, что тронут.

– Однако, – епископ смахнул слезу дряблой рукой, – не успев нарадоваться вашему возвращению, вынужден распрощаться. Соизволением его императорского величества Алекиана объявлен собор. Прелаты Империи приглашены, дабы избрать из своей среды достойного, который возглавит Церковь... каковому выпадет вести ее тернистым путем в годину суровых испытаний.

– Это почему же тернистым? – подала голос Ннаонна. – Может, как раз, наоборот, все будет хорошо?

– Ах, дочь моя, – просипел старик, – надеюсь и молю Гилфинга, чтобы оказалось именно так. Однако опыт подсказывает, что тому, кто будет избран архиепископом, выпадет

нелегкая ноша...

Говорил епископ так печально и серьезно, что вампиресса молча, без традиционных возражений, проглотила «дочь».

– Позвольте, ваше величество, – продолжил прелат, – перед дорогой благословить вас. Гилфинг видит, как я ждал этой минуты...

Ингви поднялся и, пряча ухмылку, склонился перед старичком, принимая благословение. Торжественность церемонии была нарушена шумом в коридоре – крики, топот. Никлис выглянул в коридор, чтобы узнать причину беспокойства – резко распахнувшаяся дверь смела бывшего разбойника в сторону и едва не сбила с ног. В зал ворвался Мертенк.

– Ваше величество! Ваше величество! Это и вправду вы!

– Да, сэр Мертенк, это я – и очень рад видеть вас. Нам предстоит большая работа, господин канцлер!

– Ваше величество, – пришел черед канцлера смахнуть слезу, – я готов!

– Ну что ж, сэр Мертенк, займите место рядом с тронном, – Ингви указал рыцарю стул, которым отказался воспользоваться епископ, и кивком предложил сесть справа от себя. Затем снова обернулся к прелату. – Ваше священство, счастливого пути. Не забудьте получить подорожную грамоту, и орки проводят вас с почетом до самой гонзорской границы.

– Орки... – старик несколько растерялся, затем махнул рукой (что, видимо, означало «семь бед – один ответ», чем плохи орки епископу, благословившему демона?), и удалился.

– Передайте, ваше священство, привет Алекиану, – напутствовал его Ингви, – а сэру Валенту, если встретится, скажите: я был бы рад, если он возвратится.

Следующим был сэр Мернин из Арника. Доблестный сеньор приветствовал монарха, как будто ничего не случилось. Этот рыцарь обладал поразительным умением выходить сухим из воды, со всеми поддерживать добрые отношения и при любой размолвке оставаться другом всем враждующим сторонам. Гораздо сложнее было с Токсом из Болотной Башни и приспешниками самозванного «графа короля Ингви» – Колстиром из Рукада и прочими. Ингви уже видел пачку жалоб на притеснения и грабежи, чинимые купцам этими господами, король прекрасно знал, что мятежные рыцари немало награбили во время его отсутствия... однако не счел возможным портить с ними отношения.

Рыцарям было объявлено, что королю известно об их «злоупотреблениях», как деликатно выразился демон, и что все жалобы энмарцев будут тщательно рассмотрены, но что он, Ингви, постарается решить дело ко всеобщему довольству. Рыцари раскланялись и покинули зал – обменявшись в дверях пламенными взглядами со следующими посетителями – после дворян аудиенция как раз была предоставлена энмарским купцам.

Когда король с Гезнуром возвратились в кабинет, которого как будто вовсе не покидали (из двери-то они не выходил), никто из придворных не выразил удивления. Это же Гева – причуды Гюголана были давно известны.

– Господа! – объявил старик. – Завтра будет торжественная церемония. Мы объявим нашего старшего сына, графа Гезнура Анракского, соправителем, дабы он принял на плечи часть монарших тягот. Я стар и не в силах один нести это бремя.

Царедворцы с поклонами поздравили графа, тот ответил улыбкой. Разумеется, среди приветствовавших его вельмож было несколько таких, кого Гезнур считал заклятыми врагами и при случае охотно прикончил бы... Но то при случае! А сейчас следует улыбаться.

Сопровождаемые фальшивыми улыбками и приветственными возгласами отец и сын снова вошли в кабинет. Гюголан занял привычное кресло у камина и заговорил:

– Сынок, послушай. Честно говоря, я и впрямь попал в сложное положение. Меня обманули гномы... Гномы, вообрази себе!

– Я не верю, отец. Это шутка?

– Увы. Несомненно, всему виной советы пройдохи Слепнега. По его наущению король Грабедор заключил союз од-

новременно со мной и с фенадцем – так что воспользоваться плодами победы нам не удастся. Проклятие! Эта битва стоила мне троих сыновей, и что в итоге? Нам пришлось снова убраться за Золотую, так как подошло войско гномов под командованием Гравелина, и нам предложили убраться.

– Но ведь гномы перессорились между собой?

– Да, выскочка Крактлин умудрился оскорбить Гравелина, хотя старик и так, и этак пытался сохранить единство... А затем Крактлина побили в Малых горах. Послушай-ка, – король воровато огляделся. В кабинете никого не было, кроме них с Гезнуром, но привычка есть привычка – и король оглянулся. – Я открою тебе секрет. Мы завели тайные переговоры с Гравелином. Он хочет поладить с малогорскими мужланами, чтобы его пропустили в отцовскую вотчину без боя. Если дело сладится, он обещал мне, что оставит берега Золотой и тайно, не предупреждая Крактлина, уведет своих гномов на запад. Вопреки воле Грабедора, разумеется... И это тоже хорошо. Но нам важнее другое – когда уйдут гномы Гравелина, у нас появится шанс в южной Фенаде.

– Снова перейти Золотую? – граф потер подбородок. – Перейти Золотую и завладеть там несколькими замками, а? Подготовиться к осаде, пока Крактлин подоспеет... Неплохо.

– Да, неплохо, но это большая война, сынок. А войско наше обескровлено предыдущей битвой. К тому же на носу конфликт с мальчишкой Алекианом. Мы ведь объявим о

разрыве вассальной присяги.

– Именно сейчас?

– Да, потом будет поздно. Это значит – не исключена война с Ванетом и всеми, кто поддержит Алекиана. Но и на Фенату следует напасть не откладывая. Едва Гравелин уведет свою дружину – мы должны переправиться через Золотую.

– Где думаешь взять армию? У тебя ведь что-то есть на уме? Выкладывай, отец.

– Герцоги Дрига и Андруха согласны заключить союз.

– Союз?

– Да, для них это лучше, чем вассальная зависимость от нас. Союз с нами – сперва против Фенады, а потом и против Империи! Правда, придется обуздать наших сеньорчиков, обожающих устраивать набеги на Дриг и Андрух... Я думаю, тебе это удастся. Герцоги предоставят отряды своих людей... но этого мало. Если бы у нас были деньги, войско удалось бы увеличить... но денег нет, все ушло на фенадскую кампанию... и нам не удалось обогатиться из-за вмешательства гномов, Гангмар их разрази! Итак, Гезнур, теперь твоя очередь. Что ты нашел в Могнаке Забытом?

Гезнур задумчиво потер подбородок и опустил глаза.

– Что? Ты не хочешь говорить?

– Могнаком правят колдуны, последователи Проклятого Принца... Но... боюсь, отец, ты мне не поверишь...

– А ты попробуй, скажи, – подбодрил король.

– Ну, хорошо. Ты уже знаешь, что со мной был Ингви,

Альдийский демон. Когда мы тайно проникли в Могнак юга, с севера туда вступил сам Гериан.

– Проклятый Принц? – Гюголан поднял брови. – Ты рассказываешь сказки. А мне нужна армия... при том, что денег у нас нет.

Гезнур сдержал усмешку, хотя его позабавили обороты, выбранные отцом: «армия нужна *мне*», но «денег нет у *нас*»

– Я знал, что ты не поверишь. Гериан вернулся и напал на колдунов, которые, как оказалось, были самозванцами... О, это вышло довольно весело... Сейчас в Могнаке может снова появиться армия – страшная армия... И если мы правильно поведем переговоры с ее главнокомандующим, то он станет служить нам, не требуя денег.

– А что же он потребует?

– Тела. Ну и еще посулим ему, что поможем погубить Мир. Но это так, для вида... А тела ему придется дать по-настоящему.

– Тела? Хм-м-м... Не вижу никаких препятствий. В нашей Геве очень мало душ... зато тела имеются в избытке.

Глава 5

Совет собрался под вечер в том же тронном зале. Гвардейцы не успели обследовать Валлахал, они и сейчас продолжали с факелами обходить темные галереи и анфилады заброшенных покоев в поисках затаившихся заговорщиков. Старая часть дворца, перестроенная из комплекса эльфийских зданий, изобиловала узенькими коридорчиками, тайными лазами и секретными комнатками, там молодой император не мог чувствовать себя в безопасности. Собраться в большом зале, расположенном в относительно недавно возведенной части Валлахала, казалось куда надежнее. По приказу маршала солдаты и гонзорские ополченцы заняли прилегающие к тронному залу комнаты, а стены обширного помещения увешали факелами – так что стол, за которым собрались вельможи, оказался посреди широкого и довольно ярко освещенного пространства. Вынужденная мера из опасения перед злодеями, совершившими недавний переворот.

Выбор царедворцев, приглашенных Алекианом, также являл собой результат вынужденной осторожности. Далеко не всем можно теперь доверять. Не попал в число участников сэр Валент из Гранлота, потому что императору показалась подозрительной его симпатия к Альдийскому демону. Не было послов от правителей имперских провинций, не пригласили даже герцога Неллы, единственного из сеньоров тако-

го ранга, явившегося нынче к Алекиану. Менгрон Маултонский, потерявший ныне всякое влияние при дворе, накануне был отправлен в Гонзор, чтобы занять второстепенную должность в провинциальной администрации – зато за столом оказались рыцари Войс и Кенперт. Оба при прежнем монархе были на вторых ролях и исполняли не слишком ответственные поручения, но теперь оказалось, что под рукой имеется вовсе не так уж много людей, обладающих достаточно широким кругозором и разбирающихся в политике. Так что рыцари, неожиданно для себя, оказались в числе малого совета Алекиана.

Вообще, двора пока не существовало, Алекиан совещался с теми немногими, кто хоть что-то смыслил в государственных вопросах, и был вне подозрений в связях с мятежниками и правителями провинций. Пока армия двигалась к столице, и решались лишь вопросы, касающиеся текущих дел, за столом императора собиралось куда больше народу... а теперь все изменилось. Присутствовали нынче, разумеется, маршал и Гиптис, занявший место придворного мага. Шортиль, отодвинутый ныне в тень более именитым и талантливым собратом, остался, впрочем, вполне доволен постом главного колдуна Гонзора и отбыл с Менгроном. Так что стол, приготовленный для заседания совета, оказался чересчур велик для пятерых участников. Возможно, поэтому члены малого совета долго молчали и переглядывались, не решаясь начать. Обилие незанятых мест производило гнетущее впечатление.

Молчание нарушил Алекиан. Первый малый совет, проведенный его императорским величеством в Валлахале, был открыт историческими словами:

– Коклос, пошел прочь!

– Это нечестно, прогонять меня! – возмущенно буркнул шут. Голос прозвучал глухо. – Ты ведь не видишь, где я прячусь!

– Под столом, разумеется, – пожал плечами Алекиан.

– А вот и нет, я был под стулом, – объявил карлик, вылезая из убежища. – Ты не угадал, поэтому я остаюсь.

– Коклос, проваливай, я слишком устал, чтобы выслушивать твою ерунду.

– Братец, позволь мне остаться, – заверещал шут, – ибо я наивернейший твой вассал! Я обещаю: со всех секретов, подслушанных здесь, какие я только сумею продать врагам, я уплачу церковную десятину и налог в казну! Подумай, братец, кто еще честен, как я? Другого такого не сыскать – никто ни гроша не платит в казну. А ведь предают все! Все!

– Ваше императорское величество, позвольте дураку остаться, – предложил маршал. – Иногда от его советов случается немалая польза.

Гиптис молчал, поджав губы и глядя перед собой, будто его перепалка не касается, двое рыцарей не решались вставить ни слова – они не понимали подоплеку происходящего... хотя оба уже успели заметить странное влияние Полгнома на повелителя...

– Ладно, – Алекиан махнул рукой. – Итак, что у нас на сегодня? Валлахал наш. Столица покорна. Что сообщают из провинций?

– Сегодня не поступало ничего нового, – заговорил маршал. – Король Фенады открыто объявил, что в союзе с Грабедором. Его королевство открыло гномам границы.

– Никто не ожидал такого поворота... – решил вставить сэр Войс. – Если это станет прецедентом...

– Напротив, – тут же встрял Коклос, – фенадцы воевали с гномами так долго, что вряд ли вытерпят их на своей земле. Фенада скоро запыхает, вот увидите! Гораздо опасней события в Малых горах и на севере. Малогорские кланы изгнали собственного принца... не желают покоряться ему. А на севере эльфы полностью подчинили Феллиост, перебили и выгнали сеньоров, однако не трогают простолюдинов. Вот это – действительно опасно.

– Поясни, – коротко бросил император.

– С эльфами тоже воевали на севере немало, – рискнул заметить сэр Войс.

Карлик скорчил гримасу и завел нудным голосом:

– Да, с эльфами воевали. Но на северном берегу Великой, не на нашем. Воевали господа, а мужичье лишь кормило сеньоров, да и нашу гвардию заодно, они не видели в эльфах врагов. В Фенаде – напротив, гномы лезли и лезли через границу, там-то гномов не любят! С королем-под-горой вступил в союз один только Гратидиан, но простонародье будет

недовольно, да и сеньоры недовольны тоже, а в Малых горах и Феллиосте – изгнаны сеньоры, а народ предоставлен сам себе. Разве кому-нибудь известны случаи, когда предоставленный сам себе народ принял угодное нам решения? А, братец? А, господа мои? Народ глуп и всегда решает неправильно: народ не желает служить господам, платить налоги и исполнять повинности. Чтобы народ поступал правильно – для этого и нужны сеньоры, латники, монахи и ученые правоведы. Там, где изгнаны сеньоры, народ никогда не надумает умного и, чего доброго, захочет жить в мире с нелюдьми.

Коклос из всех сил вытянул шею, чтобы не быть уж настолько ниже ростом собеседников, и победоносно огляделся. Никто не спорил с шутком.

* * *

Когда энмарцы с поклонами удалились, Ннаонна тихо спросила:

– Ингви, а ты ничего не напутал?

– Что ты имеешь в виду?

– Энмарцы ушли довольными. Судя по тому, что я о них знаю...

– Погоди, а разве не обязан король вести дела так, чтобы всякий посетитель уходил от него довольным? Ладно, ладно... я тебе кое-что объясню. Никлис, пока что никого не пускай! После энмарских гостей мне нужен перерыв. Так

вот, Ннаонна, я пообещал им, что все случаи грабежа будут тщательно расследованы. Пусть купцы пишут длинные списки украденного, врут и преувеличивают, пусть. Уличить их будет не так уж сложно, если они подадут свои прошения вместе. Мы сличим их, и наверняка отыщем несоответствия.

– А если они сговорятся?

– Энмарцы? – Ингви ухмыльнулся.

– Э... да, ты прав, – признала девушка, – энамрцы не сговорятся. Но все же, если вдруг кто-то сумеет нам доказать...

– То он получит возмещение убытков. Знаешь, На, я давно не взимал налогов... Один только Кендаг внесет в казну столько, что хватит на энмарцев. В конце концов, пока мы шлялись за морями и горами, его орки сами разграбили столько караванов, что сэру Токсу и не снилось. И с каждого гроша, отбитого у энмарцев, мне причитается налог, не забывай! Зато... – Ингви мечтательно прищурился. – Зато я сговорился с этими купцами об очень и очень важном деле... за это не жалко уплатить... Они согласны везти товары в Геву, слышала?

– В Геву? Слышала, но не поняла. Да я особо не вникала, это скучно. Странно было, что они согласились. Им же невыгодно, Гева дальше, чем Гонзор. И опаснее. И заработают меньше...

– Ну, что делать. В Гонзор я бы их не пустил в любом случае, но теперь это носит характер сделки. Отказ купцов Энмара торговать с Империей – не произвол демона, а добро-

вольное соглашение. Ради этого стоит отдать энамрцам даже больше, чем они у меня выторгуют в возмещение убытков, что понесли от Токса. Я, пожалуй, снижу пошлины... хотя... жалко отказываться от денег, но...

Ингви задумался.

– Алекиан обидится, – заметила вампиресса.

– Обидится? Ну что ж... Тут нашему дружку Алекиану не повезло. Мне хочется ослабить империю, а самый верный способ – лишить ее южных товаров. Заодно поможем Геве, поддержим другого нашего дружка, Гезнура. Невозможно быть другом всем, увы.

Беседу прервал шум в дверях.

– Ты должен уступить дорогу графу Давней Чашобы!

– Нет. Граф Ничейных Полей никому не уступает дорогу!

– Придется уступить. Я – князь!

– А я – Лорд Внешнего Мира.

– Я старше, прояви почтение к моему возрасту!

– Вот скамья. Присядь, старик, передохни. А я иду к королю.

Ннаонна расхохоталась – Кендаг превзошел эльфы в остроумии. Ингви тоже ухмыльнулся и велел:

– Никлис, отвори вторую створку дверей, пусть мои графы войдут вместе.

Кендаг с Филькой ввалились в зал плечом к плечу. Эльф расхохотался и заявил:

– Ингви, я приглашаю тебя к нам в Креллионт. Устроим

праздник в честь твоего возвращения, Ллия Найана хочет увидеть короля-демона. Поехали, будет весело!

– Только сперва к нам, – заметил Кендаг. – Агрита просила, чтобы я непременно пригласил тебя и Ннаонну.

– Нет, к нам! В Креллионт! – принялся возражать князь.

Ингви прервал спорщиков:

– Друзья, у меня слишком много дел здесь. Со временем я побываю и в Креллионте, и в твоей ставке, Кендаг. А пока что приезжайте лучше оба с супругами к нам.

– Филька, – влезла в разговор вампиресса, – а твоя жена, эльфийская принцесса, привезла с собой платья? Попроси ее взять с собой, а? Очень любопытно поглядеть, как наряжаются эльфийские королевны. Или, может, она мне сможет мне что-нибудь одолжить? Ну, на время? Пока я себе новых платьев не пошью?

– Э, понимаешь, мы ведь собирались второпях, – вздохнул эльф... – вряд ли Ллия прихватила много нарядов.

– На, не попрошайничай, – тихо попросил Ингви.

– Ладно, – покладисто согласилась Ннаонна, – все равно я ношу черное.

* * *

Наутро в Геве было объявлено, что Гезнур, граф Анракский, официально становится соправителем престарелого немощного отца и отныне именуется «королем Гевским».

Особой популярностью старший сын Гюголана в столице не пользовался, но его уважали (и, честно сказать, многие – боялись), так что когда отец с сыном отправились в собор выслушать торжественную службу, на улицах собралась довольно много горожан и неприязни либо разочарования никто не выказал. Впрочем, когда стало ясно, что празднества не состоится и угощения по случаю коронации не будет, большая часть добрых гевцев разошлась.

Тем не менее, церемония в соборе прошла с надлежащей пышностью – и наконец епископ под пение хора возложил на голову коленопреклоненного Гезнура корону. Отец стоял рядом, положив ладонь на плечо соправителя, и кивал в такт пению... Вдоль стен расположились царедворцы – внимали певчим с достойным спокойствием, никто не позволял себе зевать или чесаться. Хотя о манерах гевских дворян в Империи ходят вздорные слухи, здешние сеньоры имеют представление о приличиях.

Затем пышно наряженная толпа покинула собор, когда короли (именно так, Гезнур отныне был королем!) удалились от входа в собор на несколько десятков шагов, специально назначенный придворный швырнул в толпу нищих несколько пригоршней монет, а затем мгновенно ретировался, спеша догнать вереницу дворян и чиновников, следовавших за венценосцами. Попрошайки, только этого и ожидавшие, кинулись, отталкивая друг дружку, подбирать подачку, мгновенно вспыхнула драка.

А Гезнур с отцом, мигом позабыв о церемонии, на ходу обсуждали текущие дела. Разумеется, говорили они о вопросах второстепенных, таких, что нестрашно, если кто-то из свиты услышит. Речь шла о покоях, которые займет Гезнур во дворце, а также о количестве и составе свиты, которая поселится с ним...

Процессия уже приближалась к серой громаде дворца, когда навстречу королям выбежал румяный мальчишка – принц Редлихт. Волосы юного аристократа были всклокочены, на локтях и коленях – грязные пятна.

– Папа! – звонко выкрикнул мальчик. – Братец Гезнур!

Запыхавшиеся наставники, толстый монах и пожилой рыцарь, только теперь догнали сорванца и согнулись перед королями в поклоне.

– Братец Гезнур, а ты теперь тоже король, как папа? Папа сказал, что ты теперь будешь меня защищать, и враги не придут в Геву, правда?

Гезнур хмыкнул и неумело пригладил пушистые растрепанные кудри на макушке малыша. Своих детей у Анракского сеньора не было, а если и были – он о них ничего не знал. Младшего принца до сих пор воспринимал лишь как одно из препятствий между собой и престолом... не самое страшное препятствие, напротив, это – из самых мелких и досадных...

– А вон братец Гюголан-младший, – продолжал тараторить Редлихт. – Он уезжает в обитель блаженного Лунпа, что в Дриге. Папа говорит, что Гюг станет епископом, когда вы-

растет! А я подамся в Ренприст и буду наемным солдатом. Братец Гезнур, ты подаришь мне меч?

Гезнур покосился на среднего брата, тощего бледного Гюголана-младшего – тот, окруженный монашескими сутанами, топтался возле закрытой повозки, собираясь отправляться в путь. Потом снова пригладил черные кудри Редлихта. Отец отправляет среднего в Дриг, с тамошним герцогом нынче подписывают союз, и мальчишка станет фактически заложником...

– Нет, братец Редлихт, – Гезнур с непривычки запнулся на слове «братец», – тебе не стоит быть солдатом. Ты – принц и будешь маршалом нашего войска. Для этого я и вручу тебе меч. Только немного подрасти, хорошо?

Мальчишка улыбнулся и прижался к старшему брату, тот вздохнул и покосился на старого короля. Гюголан смахнул слезу. Притворяется, решил Гезнур... хотя и у него к горлу подступил комок. Непривычно.

Глава 6

Дорога петляла между холмов, шла то вверх, то под гору, но Гратидиан знал, что в итоге спусков и подъемов тракт взбирается все выше и выше. Горизонт перечеркивал зубчатый силуэт – Горы Гномов, или Вольные горы, как зовут сами недомерки это чудовищное нагромождение высоченных кряжей. Мало-помалу дорога поднимается, пусть это не ощущается явно – в здешних краях уровень почвы неуклонно повышается к северо-востоку, хотя до самих гор довольно далеко.

Король Фенады получил известие – гномы строят большую крепость на его земле, и отправился лично поглядеть, что там происходит. Начинались-то переговоры с нелюдями более или менее удачно – граф Слепнег, перебежчик, живущий при дворе короля-под-горой, сулил, что гномы только пересекут Фенаду, вовсе не претендуя на какие-либо владения в стране, а на деле вышло иначе. Конечно, виной всему разбойные принцы из Гевы, напавшие на юг королевства. Гратидиану пришлось просить у гномов сильный отряд, чтобы заставить гевцев убраться обратно на южный берег Золотой реки. Взамен пришлось посулить коротышкам постоянные поселения в северной части страны. Казалось бы, что страшного в таком? Но гномы выбрали под свой анклав именно эту гору – весьма неудачное обстоятельство для Фе-

нады. Безымянная пока что горушка нависала над поселком Ренбрит, там, где сходятся три дороги, ведущие к городам севера. Тот, кто контролирует перекресток у Ренбрита, тот владеет доступом к доброй четверти страны! И теперь поздно сокрушаться... что сделано – то сделано. В конце концов, гевцы, дай им волю, прибрали бы к рукам не четверть, а всю Фенаду. При таком раскладе гномы выглядят меньшим из зол. Да и из зол ли? Быть может, нелюди соблюдут договор в точности – тогда их присутствие пойдет королевству на пользу! Гномьи кузнечные изделия, их серебро, их торговля... Их отряды на юной границе вдоль Золотой, наконец! Теперь гевским разбойникам не так-то просто решиться на переправу через реку!

Гратириан приободрился и, гордо выпрямившись в седле, оглядел следующую позади свиту. Сверкающие панцири, развернутые знамена... и на лицах – уныние. Фенадцы слишком долго воевали с гномами, чтобы видеть в их присутствии положительные стороны...

За очередным поворотом открылся вид на строительство – сейчас, пока заложенные гномьими архитекторами стены не поднялись и не закрыли обзор, все будущее поселение на горных склонах хорошо видать. Скалистый утес на безымянной горе, скоро увенчает башня, вокруг нее будет обширный двор, заключенный между каменных зданий, каждое из которых может служить крепостью... Внешние стены этих сооружений – толстые, с зубцами поверху, окон в них

не будет, только узенькие бойницы. Дальше – ровный скат, опоясанный наружной стеной. Внутренний круг укреплений с внешним свяжут радиально расходящиеся стены... Стены толстые, с галереями внутри. Говорят, там, наверху, нелюди пробили колодец, так что гарнизон не будет нуждаться в воде.

Строящиеся укрепления грозно нависают над поселком, приютившимся у реки под горой. К поселку сходятся белые ниточки дорог. Эх, как удобно будет из крепости держать под обстрелом эти дороги...

На стройке заметили приближающуюся кавалькаду – навстречу поскакал всадник. Граф Слепнег, разумеется... Гномы верхом не ездят.

Граф осадил храпящего жеребца перед королем и склонился в седле:

– Ваше величество...

– Доброго дня, граф. Я гляжу, ваши друзья не медлят.

– Да, ваше величество, – Слепнег развернул коня, пристраиваясь рядом с королем. – Они работают споро, если уж взялись за дело. Желаете осмотреть стройку?

– Да. А кто командует здесь?

– Сейчас – сам Крактлин. Когда гномы поднимут стены, главнокомандующий уйдет с большей частью подчиненных, останется небольшой гарнизон. Достроят жилые помещения, развернут мастерские... Потом из Вольных гор сюда придут ремесленники – кузнецы, оружейники, гончары и

каменотесы. Ваше величество, со временем отсюда в Фенаду хлынет поток товаров, которые прославят королевство.

– Да, наверное...

Колонна вступила в будущий круг укреплений, Гратириан со Слепнегом миновали группу мастеров, занятых воротным устройством. Строители приветствовали короля поклонами, более напоминающими небрежные кивки. Нелюди, что с них взять...

– Ваше величество чем-то обеспокоены? – участливо осведомился граф.

– Э-э... сэр, вы говорите, что здесь будет небольшой гарнизон. Но, судя по размерам крепости, для обороны внешних стен требуется по меньшей мере сотни две бойцов. И даже больше, наверняка. Разве такую крепость оставят с недостаточной охраной?

Слепнег махнул толстой ладонью.

– Гарнизон будет невелик, ручаюсь. Ну, плюс ремесленники, их подмастерья, их семьи, купцы, королевская администрация...

Грабедор помрачнел еще больше – ну конечно! Разумеется, гномы решили обосноваться в Фенаде навсегда. Семьи, администрация... Король огляделся – работа кипит. Гномы снуют туда и сюда, волокут громадные каменные блоки, при помощи неких механизмов громоздят глыбы одну на другую...

– Ваше величество, – проникновенно произнес граф, за-

глядывая Грабедору в глаза, – попомните мои слова. Король, в чьих владениях постоянно станут трудиться и торговать гномы, получит немалую выгоду и стяжает великую славу! Вы открыли новую страницу в истории Мира, в Фенаде представители разных рас станут трудиться совместно к общему благу. Вас назовут когда-нибудь «открывшим новый путь», вот увидите.

Гратириан снова вздохнул. Прежде его уважали за то, что он тщательно следовал букве и духу имперских законов, за то, что ходил только *старыми* путями. Он был король в точном смысле этого слова – король с головы до ног, такой король, о каких пишут в романах и балладах!.. В романах и балладах не приветствуют новых путей – напротив, чтят традицию... Открывателей новых путей в балладах, скорей осуждают. Но то баллады легкомысленных трубадуров – а какие вести теперь придут из Ванетинии? Прошли времена безвластия, теперь на престол восходит император...

* * *

Трельвеллин пустил коня шагом и прислушался к собственным ощущениям. Было странно, но, пожалуй, приятно – чувствовать одновременно и себя, и животное, оказаться единым целым с могучим зверем. Это неплохая забава – нестись между стволов, чуть-чуть помогая коню выбирать направление и силу следующего прыжка, едва тронуть коле-

ном чуткий бок, слегка потянуть поводья...

Прежде королю приходилось ездить верхом, навыки вернулись быстро... Как и всякий эльф, Трельвеллин легко забывал и легко вспоминал забытое. Теперь всем придется освоить верховую езду... и еще доспехи! Воевать в доспехах совсем не весело, но Трельвеллин – король, он должен подавать пример подданным. Ведь будет война, большая война! Люди мстительны и алчны, они способны простить... вернее забыть об убийстве братьев, но не спустят с рук захват маркграфства Фреллионт. Это молодое племя относится к лугам и лесам как к собственности, хотя Создатели сотворили Мир для всех, и никто не вправе владеть частями Мира единолично... Увы, люди считают иначе и сумели изобрести множество странных несообразностей в подтверждение своих заблуждений – оммаж, ленное право, аллодиальные законы и прочее...

Король выехал из лесу и направил коня к замку Арина. Это укрепление, захваченное Филлиноэртли, стало теперь ставкой короля эльфов, его резиденцией на южном берегу Великой. Стражи заметили короля, распахнули ворота. Юный Эльгойн принял поводья и доложил:

– Уже трижды спрашивали.

Речь шла о послых Грабедора, короля-под-горой, которым нынче была назначена аудиенция. Несколько вельмож уже переминались с ноги на ногу во дворе замка, поджидая короля. Видимо, гномы – посланцы уже надоели им с вопроса-

ми, когда же соблаговолит принять его величество.

– Ничего, подождут. Эльгойн, как дела? Милостива ли к тебе Мать?

– Нынче я молил Пресветлую о даровании мне серьезности. Князь Филлиноэртли говорил, что мы должны стать серьезными, чтобы победить людей. И я ежедневно молю Мать, чтоб сделала меня серьезней.

– Ну и каков результат?

– Нынче на меня упал с полки кувшин молока, ваше величество. Но я даже не рассмеялся! Несомненно, Величайшая прислушалась к моей молитве. Ваше величество, я совсем позабыл! Еще были посланцы от людей – этих, из поселка.

– А им-то что надо?

– Просят позволения убрать урожай с господского поля. Обещают сделать все по обычаю и привезти зерно, собранное на земле рыцаря, сюда, в замок.

– Пусть везут. Да, это Филлиноэртли неплохо придумал, оставить человечков в деревне, теперь у нас будет зерно... Скажи послам, пусть через четверть часа приходят в зеленый зал, я приму их.

Встреча состоялась в так называемом «зеленом зале». Эльфам пришлось многое поменять в замковых покоях, потому что люди, обитавшие в Аривненском замке, так и не удосужились сделать его пригодным для жизни – все здесь было холодным, угловатым, серым... Эльфы не живут в таких помещениях. Поэтому пришлось привезти довольно

много утвари, мебели, посуды и прочего с северного берега Великой, чтобы Аривна хоть немного стала напоминать достойное эльфа жилище. Трон Трельвеллина установили в самом большом зале, а стены увешали коврами и гобеленами зеленых оттенков. Назвали – «зеленый зал».

После непрямого обмена многословными приветствиями, без которых гномы не умеют обходиться, послы перешли к делу.

– Наш король ведет войну с общим врагом и предлагает: брат Трельвеллин, ты можешь оказать нашему народу помощь, прислав четыреста доблестных эльфов. В предстоящих схватках нам не помешают отличные стрелки, а участие подданных, о король, в этой войне неизмеримо увеличит твою славу.

– Мы тоже ведем войну, – заметил Трельвеллин, – и принимаем вас в отнятой у людей крепости. Марка Феллиост отныне – наше владение... Равно как и Креллионт на юге. Разумеется, Империя ответит нам, выслав сюда армию. Мы не боимся, но следует ли дробить силы, выслав четыре сотни воинов брату Грабедору?

– Что одна марка! – важно заявил седой гном, возглавляющий посольство. – Вся Фенада открыта нашим воинам, Ваше величество, давайте говорить без обиняков: мы нуждаемся в стрелках, и готовы оказать вам взамен любую помощь, исключая присылку войска. Последний поход был тяжелым, мы потеряли немало бойцов.

– Я наслышан о вашей неудаче в Малых горах, – Трельвеллин не стал оскорблять послов насмешкой, постарался говорить серьезно и сочувственно.

– Зато вся Фенада открыта нам, а личная армия Гравелина Серебро стоит на южных рубежах королевства. Ваше величество, вы обещали принять участие в нашей войне на востоке, если Гравелин пойдет в поход. Он...

– Я говорил, что соглашусь, если Серебро возглавит армию. Этого не произошло, – Трельвеллин задумчиво потерел бородку. – Но нынче не время для раздоров. Я отправлю... пожалуй... пожалуй, три сотни отборных стрелков. Взамен мне потребуются доспехи и оружие. И ваши кузнецы. Я не прошу армию, но кузнецы мне будут нужны здесь, на месте.

Трельвеллин встал с трона и закончил не допускающим возражения тоном:

– Сейчас нет времени для торга, похвальбы и взаимных попреков. Мир стоит на пороге большой войны и следует проявить мудрость. Вы отправитесь к брату Грабедору, сопровождаемые тремя сотнями стрелков. Взамен жду не меньше трех тысяч полных доспехов и достаточное количество кузнецов, чтобы подогнуть снаряжение на месте и отремонтировать то, что будет повреждено. А уж повреждений будет немало!

И Трельвеллин, покинул зал, взмахнув напоследок алым плащом... порыв ветра, поднятого этим движением, колых-

нул длинные бороды послов.

* * *

Постоялого двора в деревне не оказалось. К услугам проезжих была харчевня, к которой предприимчивый хозяин пристроил сарай. В сарай пускали переночевать «за грош с рыла, а кому не нравится – дальше по тракту город, там и постоялый двор, и кабак с девками. Даже музыканты иногда играют», так объяснил хозяин. Владелец закованного в кандалы юноши, не задумываясь, согласился. Конец цепи он намотал на торчащую из стены скобу в углу, а сам уселся неподалеку за стол.

Хозяин харчевни не спеша принес и поставил на стол ужин – две миски с дымящейся похлебкой, одну человек в камзоле со споротым гербом отнес невольнику – тот с жадностью принялся хлебать, обжигаясь горячим варевом. Миску он держал обеими руками, так что каждый глоток сопровождался звоном кандалов. Его повелитель с любопытством поглядывал на юнца, неторопливо помешивая ложкой свою порцию. Потом ухмыльнулся собственным мыслям и принялся за еду. Заведение было почти пустым, ибо обычную клиентуру здесь составляли крестьяне, а они нынче заняты уборкой урожая.

Хлопнула дверь, в харчевню ввалились двое здоровенных парней – должно быть, местные. Парни были рослые, очень

крепкие на вид – у таких и после трудового дня еще доставало сил на нехитрые развлечения. Парни заказали по кружке пива и расположились за столом в центре зала. Прихлебывая мелкими глотками (экономили, должно быть), здоровяки оглядывались по сторонам, бесцеремонно оценивая гостей. Закованный в цепи невольник привлек их внимание почти мгновенно. Один из парней что-то шепнул приятелю, тот кивнул... оба поднялись и неторопливо двинулись в угол. Узник заподозрил неладное и принялся хлебать быстрее, словно опасался, что отберут миску.

Первый парень ткнул башмаком в дно посуды, так что похлебка облила беднягу с головы до ног, другой тут же пнул жертву в живот. Невольник согнулся, повалился на пол и захрипел, подавившись горячей жидкостью. Мучители заржали. Им так понравилась собственная выходка, что оба счастливо засмеялись, указывая друг дружке распростертого на полу юношу. Увлеченные забавой, парни не заметили, что хозяин узника покинул стол и подошел к ним.

– Вы что же, мастера *почтенные*, – тихо произнес коротышка голосом, совершенно далеким от почтительности, – супчик-то разливаете? Я за него хозяину уплатил, а вы разливаете. Нехорошо.

С минуту длилось молчание. Немногочисленные посетители за столами тоже смолкли, только хрипел и отхаркивался на полу пленник, позвякивая цепью. Наконец один из веселых парней ответил:

– А чего? Он уже нажрался, хватит.

– Вали отсюда, дядя, за свой стол, – поддержал другой, – а то и тебе накостыляем.

– Ну, как скажете, почтенные... – протянул коротышка и будто бы в самом деле двинулся прочь.

Парни расслабились. Вдруг человечек, стоявший к ним уже вполоборота, резко въехал локтем в пах тому, что оказался ближе. Верзила – так же резко – согнулся пополам, а коротышка с неожиданной силой пихнул его к приятелю, так что парень впечатал макушку в чужой живот. Второй со стоном отшатнулся – и тут противник треснул его кулаком в челюсть. Хотя габариты нападавшего не вызывали почтения, удар свалил здоровяка на пол. А человечек развернулся к первому, все еще не пришедшему в себя, весельчаку. Лево́й руко́й они ухватил парня за волосы, удерживая в согнутом положении (иначе бы ему, пожалуй, и не достать), а право́й – быстро-быстро принялся колотить в лицо. Избиение продолжалось не больше десяти секунд. Затем человек в камзоле разжал руку, его жертва, обливаясь кровью, рухнула на пол. Покатилась кружка, оставляя длинную темную лужицу с клочками пены... Тут только второй поднялся на четвереньки... и замер – перед его носом покачивалось острие кинжала. Приблизилось... чуть надавило щеку – кожа поддалась под бритвенно-острым клинком...

– Пшли вон! – коротко приказал странник, сопровождая слова взмахом кинжала.

С острия сорвалась крошечная темная капелька крови... Топоча тяжелыми подошвами и отталкивая друг друга, парни кинулись к выходу. Описав длинную дугу, кровавая капля шлепнулась в лужу пива, растеклась тонюсенькими красными нитями...

Закованный юнец, поднимаясь на четвереньки, пробурчал:

– Спасибо...

– Не за что, дурак, – ответил коротышка, пряча кинжал.

Неторопливо возвратился за стол и принялся за не успешшую остыть похлебку.

Глава 7

Пауза затянулась. Наконец молчание нарушил Алекиан:

– Я думаю, нам следует отправить на север сильный отряд под командованием опытного рыцаря. Достаточно сильный отряд, чтобы вразумить нелюдей.

Сказав это, юный император покосился на сэра Брудо – маршал по-прежнему, как в юности, оставался для Алекиана непререкаемым авторитетом. Ок-Икерн откашлялся и промямлил:

– Вообще-то... ваше императорское величество... хм... у нас не так много людей, чтобы... Вчера, отправляясь из замка Рехель, я велел распустить пешее ополчение. Толку от сброда немного, а прокорм его стоит дорого. В общем, войска у нас по сути дела сейчас нет, а когда сумеем собрать – наших сил едва хватит на один-единственный поход. Я хочу сказать, нам следует сосредоточиться на главном.

– Гева, – это прозвучало утвердительно.

– Да, ваше величество, так я думаю. Что бы ни происходило, откуда не исходила бы непосредственная угроза, но стоит копнуть поглубже – и обнаруживаются тайные нити, неизменно ведущие в Геву. Даже в измене Гратидиана Фенадского косвенно повинен гевец.

– Гюголан, в сущности, натравил гномов на Фенаду, на Малые горы... и Гилфингу известно, как далеко простира-

лись планы короля-под-горой, – подтвердил Кенперт. – А то, что гномы выступили по совету Гюголана одновременно с мятежом здесь, в Впанетинии, говорит вполне красноречиво: гевец – соучастник заговора.

– Да, верно! – Алекиан пристукнул по столу.

Придворные с тревогой переглянулись – юный монарх в точности повторил отцовский жест. Прежде такой привычки у молодого принца не было. Всем вдруг показалось, что из-под мягких черт юноши проступило волевое лицо покойного Элевзиля...

– А что доносят из других провинций? Тогер с Тилой воюют...

– Да, – торопливо заговорил маршал, – они там сцепились не на шутку, но, быть может, это и к лучшему. По крайней мере, пока они там, за горами, заняты друг другом, неприятностей ждать не приходится. На севере все готовятся к войне, ждут нашествия эльфов. Увы, мы не можем послать туда войско...

– Но мы должны символически проявить заботу, – заметил Алекиан. Если нет возможности отправить войско, то хотя бы небольшой отряд под имперским знаменем... И непременно под командованием авторитетного сеньора. Пусть поможет подготовить замки к обороне, склонит северян действовать сообща против нелюдей... и постоянно шлет нам сообщения. О происходящем на севере мы должны получать сведения из первых рук.

– Разумно, ваше величество, – кивнул ок-Икерн. – Быть может, сэр Валент из Гранлота?

– Нет, он недостаточно известен на севере. И выберите кого-то познатнее. Что сообщают из восточных провинций?

– Андрух склоняется к союзу с Гевой, Ленот и Болотный Край традиционно верны... но помочь нам не смогут. Они слабы. О Дриге и Фегерне вовсе ничего не известно.

– Сантлак?

– О, Сантлак... Пока их король в наших руках, с запада не следует ждать беды. Они обязаны верностью Метриену, а он у нас в плену. Пока жив Метриен, Сантлак не опасен.

– Да? – Алекиан поджал губы, его лицо отразило недовольство. – А я-то намеревался четвертовать его на площади... Но, раз так, пусть поживет... пока. А что с семьей предателя Каногора?

– Везут сюда, – доложил Войс. – Они пытались сбежать, жена Каногора и его дочки, но их перехватили в Эгенельском графстве. Должно быть, собирались скрыться вместе с Ирсом в Сантлаке.

– Хорошо, – Алекиан откинулся на стуле и прикрыл глаза ладонью, – семью Каногора привезти сюда, в Ванетинию, и казнить.

После этих слов будто ветерок пронесся по залу, дрожащее пламя факелов на стенах стало темней и тусклей...

– Но дети?..

– Сэр Войс, это необходимо, – тихо, но отчетливо произ-

нес император. – Ирса также казнить, равно как и всю их свору, всех, кто был в дружбе с заговорщиками. Земли Эстаков конфисковать, все, что можно – распродать. Кстати, сэр Войс... неплохо бы создать такую комиссию, куда честные подданные смогут подать доносы на мятежников, все сведения будем собирать и виновных – безжалостно казнить. Я хочу, чтобы моих вассалов пугала сама мысль о мятеже!

Все замерли, только Гиптис Изумруд удовлетворенно кивнул – ему пришлось по душе идея жесткого отмщения. Семья Изумрудов понесла чересчур большие потери во время мятежа, от клана осталась жалкая горстка...

В дверях возник гвардейский солдат.

– Прошу прощения... Ваше императорское величество, найдены тела... покойного императора и архиепископа... в подвале...

– Идемте туда! – Алекиан порывисто вскочил, пламя свечей заколебалось от ветра поднятого полами алого плаща императора. Гигантская тень монарха вырисовалась на дальней стене, угловатая, темная, зловещая. Голова тени сливалась с мраком, сгустившимся под высокими сводами тронного зала – будто тень поддерживает плечами тьму...

* * *

Когда покончили с приветствиями и привычными шуточками, Кендаг завил:

– Ингви, я хочу кое-что сказать... Только ты не шути. Так вот, эти люди, которых мне велено стеречь... Забрал бы ты их сюда, а?

– Это о ком речь? – Ингви сперва растерялся. Потом вспомнил. – А, парочка из Ничейных Полей и ученик Гериана... Ученика я, разумеется, возьму, пусть живет при дворе. Мне колдуны нужны, а вот те двое...

– Что, боишься пленников? – ухмыльнулся неугомонный Филлиноэртли.

– Не боюсь, – спокойно ответил лорд. – Хочешь, ты их забирай. Ингви, поручи ему стеречь бродяг. Я их привез с собой, пусть хорек их забирает.

– Не хочу, они скучные... Да, а ты – жаба.

– Их надо прикончить, – спокойным тоном завила Ннаона. – Они дедушку убили.

– Только старший, – заметил Ингви, – младший-то был со мной, там... Ну, там... На нем будто бы Гилфингова печать, он не простой человек.

– Гилфинг теперь злой, – девушка твердо стояла на своем. – И младший, если ему служит – тоже злой. А старший? На нем тоже печать? Я бы его припечатала...

– Он говорит, что был против нападения, и я ему верю. Он интересный. Кстати, насчет младшего – вампиры тоже злые, разве не так? Убивать за одну лишь злобу? Нет...

– Этот человек опасен, его нужно прикончить. Видишь, даже Кендаг с Филькой стеречь пленников не хотят. Ингви,

зачем тебе этот прохвост? Ты же видел, какой он скользкий? Ну, пусть младший живет, пусть. Но этот бородатый бродяга... Знаешь, как на меня смотрел?

– Ну и как?

– Как на товар, смотрел, будто прикидывал, сколько стою.

– На, я вернулся с миром, я не хочу, слышишь? Я никого не хочу убивать. Даже Токса, а уж этого бродягу – тем более.

Никлис приоткрыл дверь (сразу стал слышен многоголовый шум из коридора), всунул голову и многозначительно откашлялся. Ингви воспользовался поводом, чтобы не отвечать Ннаонне, которая вдруг стала кровожадной и настойчивой.

– Что там, господин начальник стражи?

– Эта... цеховые, твое демонское. Волнуются, кого первым ты примешь, кому почет, стало быть.

– Ладно... Пусть смешаются в одну толпу, – ухмыльнулся Ингви, – и все вместе входят. Потому что я всех одинаково ценю.

Демон притянул к себе Ннаонну и быстро чмокнул в щеку.

– Не злись. Мне тоже жаль твоего деда, но что поделать? Он уже мертв, его не вернуть... А этот бродяга может оказаться интересным. Я не хочу, чтобы вышло, как с твоей семьей. Злые, добрые... все так перемешалось... я не хочу никого убивать...

В зал, толкаясь и переругиваясь, вступили одинаково ценные представители городских цехов. Нестройно поклонились.

лись королю и хором завели многословные приветствия. Ингви улыбнулся. Все возвращалось на круги своя. Когда прием был окончен, и мастера удалились, чтобы в коридоре закончить спор, какой цех выше в глазах демона, король велел Кендагу привести пленников.

Первым вошел Вентис. Двое бродяг – следом, причем старший, все еще слабый после полученных ран, брел, шатаясь, навалившись на локоть приятеля, долговязого юнца с роскошной блондинистой шевелюрой.

– Ну, – начал Ингви, – с кого начнем? Вот ты, ученик Проклятого Принца... Слушай-ка, мне твое лицо кажется знакомым. Мы встречались?

– Да.

– Однако ты немногословен. Хочешь получить службу при моем дворе?

– Нет.

– Странно.

– Да.

– Хм... – Ингви слегка растерялся. – Интересно, как ты будешь выкручиваться, если я задам вопрос, на который нельзя будет ответить просто «да» или «нет»?

Вентис пожал плечами.

* * *

После коронации Гезнур спешно отправился на восток.

Теперь у Гевы – два короля, но и этого мало. Дряхлому Гюголану едва удастся держать под контролем события на севере... и ведь его уже единожды обставили гномы! Нет гарантий, что Гравелин окажется честнее Грабедора... хотя нельзя сказать, что король-под-горой нарушил договор. И договора-то никакого не было, имелось лишь словесное согласие действовать сообща – Грабедор не погрешил против условий сделки, когда заключил союз с фенадским королем. Однако на планах Гевы такой союз ставил крест. Теперь Гезнур больше не уверен в дипломатическом гении старика Гюголана. Совсем недавно казалось, что отца никто не сможет обвести вокруг пальца – а вот поди ж ты, удалось даже гномам! Тупоголовым карликам! Поэтому Гезнур спешил, он боялся надолго оставлять отца распоряжаться единолично, мало ли что какой еще промах тот допустит!

Итак, Гезнур спешил. Он то скакал галопом, то переходил на рысь, чтобы кони не слишком утомлялись... Позади тяжело топали сотни копыт и гремели латы конвоя – король взял с собой почти две сотни копий. Громоздкая свита могла бы оказаться задержкой, но Гезнур помнил, сколько у него врагов – многочисленная охрана должна была отбить у них охоту пакостить. Внушительная охрана – гарантия того, что непредвиденных задержек не будет.

Гезнур ненадолго остановился, встретив неторопливо ползущий навстречу обоз – разобранные осадные машины и небольшой конвой. Возвращаются в столицу из Стредвера,

последнего баронского владения на землях Гевы, до недавних пор хранившего верность императору. Ныне строптивый барон Стредвер признал власть гевского короля и готов принести оммаж – еще бы, в его замке нынче расквартирован отряд королевских стрелков, хорошая гарантия верности. Гезнур обменялся несколькими фразами с сержантом, командиром конвоя, подозвал оруженосца и велел последнему скакать в Стредвер с вестью: король Гезнур лично явится в замок, чтобы принять присягу у барона. Не сейчас, на обратном пути, а будет это несколькими неделями позже, Гезнуру предстоят большие переходы... но барон пусть ждет! Его величество прибудет к нему в замок непременно. То, что принадлежит Геве – то принадлежит навеки, раньше или позже, но Стредвер принесет присягу королю. А осадная техника вскоре отправится на север – она потребуется, и весьма скоро, если на сей раз гномы не подведут Гюголана.

И снова в дорогу! Гезнур пришпорил коня, принимая вправо, что бы объехать громоздкие осадные машины, груженные на неуклюжие возы. За спиной зашевелился конвой, всадники поочередно пускали лошадей, перестраиваясь в колонну по одному. Кое-кто из молодых латников уже выезжал на обочину, чтобы, не теряя времени скакать рядом с дорогой – им передалось нетерпение короля. А Гезнур спешит, Гезнур торопится, многое нужно успеть и вовремя возвратиться в столицу, чтобы возглавить войско в предстоящих походах. Над головой короля развевается знамя с белым

драконом. Неистовый брат Адорик пал на поле брани, успев выкрикнуть рыцарям: «Если мы победим сегодня здесь, то завтра это знамя будет развеваться над всем Миром! Мир будет называться „Гева“»... Гезнур не столь поэтичен, нет, он не претендует на власть над Миром, однако для того, чтобы знамя с драконом по-прежнему развевалось над Гевой, Гезнур готов драться насмерть.

Король почувствовал, что конь выдыхается, и снова сменил аллюр, чтобы животное перевело дух, еще не меньше часа пути, потом остановка в замке Мнорих... там готовы сменные лошади – и снова в путь. Скорей, скорей!

Глава 8

Император шагал по гулким темным коридорам вслед за солдатами. Участникам совета ничего иного не оставалось, как последовать за ним – теперь они топали за его величеством, а впереди, поминутно озираясь, шагал гвардеец с факелом. Солдатик был вовсе не рад выпавшей на его долю чести, уж больно печальным казался повод... Валлахал был безлюден и мрачен – ночью особенно. Коклос, не поспевавший за размашисто шагающими спутниками, принялся ныть:

– Решительно не понимаю, почему такая спешка. Дело предстоит темное, страшное и зловещее, неужто нельзя исполнить его хотя бы днем? Именно ночью, именно ночью! Гремящие цепи, зловещие порывы холодного ветра... Перед каким зрителем мы разыгрываем темную мистерию?!

Алекиан остановился. Маршал, который шагал следом, едва не врезался в резко развернувшегося императора и спешно посторонился.

– Мистерию? Ты считаешь, что я разыгрываю мистерию?

Шут сообразил, что ляпнул лишнее, и попятился, растворяясь во мраке.

– Мистерию... Перед Гилфингом, перед Гангмаром... Какая разница? Я тебе велел убираться, дурак! – Коклос не узнавал голос «брatца», вдруг ставший резким и суровым. –

Я же говорил тебе: убирайся! Ты мне не нужен, Коклос!

Алекиан отвернулся, и солдаты с факелами поспешно, даже суетливо двинулись дальше. Коклос прекратил жалобы, но не отстал и семенил следом, хотя ему приходилось время от времени пускаться бегом, чтобы не потерять огонь факела.

Провожатые указали Алекиану темный подвал, заваленный хламом – туда заговорщики в беспорядке сбросили несколько десятков трупов, издающих теперь совершенно нестерпимую вонь. Солдаты, обнаружившие тела, закутали лица тряпьем и объяснялись между собой знаками, но выказать недовольства не посмел ни один. Гиптис пролаял несколько слов – благодаря его чарам смрад несколько уменьшился. Императору указали тела отца и двоюродного дяди, откопанные солдатами из-под других – обезображенных раздетых покойников. Алекиан подошел и остановился над жуткими останками. Все притихли.

Сэр Брудо пробормотал что-то насчет носилок и удалился, прихватив с собой нескольких солдат. Коклос выскользнул за ним. Войс с Кенпертом были бы рады сбежать следом, но не могли решиться – император-то оставался! Прошло не меньше получаса, прежде чем возвратился маршал. Его солдаты в самом деле приволокли наспех изготовленные из плащей и древков пик носилки. Тела Элевзиля и Кениамерка осторожно погрузили – Алекиан оттолкнул солдата и сам вцепился в импровизированную рукоятку.

– В храм! – велел юноша.

По счастью, из подвала можно было довольно быстро пройти к часовне во дворе Валлахала, под которым располагалась подземная усыпальница. Тела положили на поспешно сооруженный помост у алтаря. Священники, которых гвардейцы разбудили и приволокли в часовню, сдерживая зево-ту, принялись нараспев читать молитвы. Они глянуть боялись на жутких покойников, да и на Алекиана тоже – черты лица императора заострились еще больше, лоб покрывала испарина... время от времени капли сбегали по лицу на грязный воротник – Алекиан не замечал.

За стенами часовни стучали топоры, сэр Брудо распорядился сколотить временные короба, чтобы разместить в них венценосных покойников – пока будут готовы саркофаги... Держать в часовне разлагающиеся трупы не станут, их следует нынче же упокоить в усыпальнице, едва только будут готовы гробы. Алекиан, похоже, не слышал ни стука топоров, ни молитв клириков – сжав побелевшие губы, он вглядывался в обезображенное лицо отца, будто надеялся, что разлагающийся труп подаст некий знак... Коклос дважды тихонько заглядывал в часовню и так же тихонько исчезал. Наконец маршал велел солдатам внести ящики и переложить тела в них... Тут только Алекиан как будто возвратился к действительности и отвернулся, пока гробы не прикрыли крышками. Снова застучали молотки, вгоняя гвозди в сырую древесину...

– Отец, великий император Элевзиль, был достоин иных похорон, – тихо пробормотал Алекиан, шагая следом за солдатами, которые понесли тяжелые ящики в склеп, – и я клянусь, это только начало. Отец получит такие похороны, о которых заговорит Мир! Нынче – только начало.

Когда наспех сколоченные саркофаги встали в ряд со старыми, каменными (свежеоструганная древесина сразу бросалась в глаза на фоне потемневших плит), император велел:

– Оставьте меня. Я хочу побыть с отцом. И попов отпустите, завтра допоют. Идите все, ждите снаружи. Не смейте беспокоить меня здесь.

– Ваше величество, – робко промямли Кенперт, – вы устали, вам нужно отдохнуть...

– Идите! – голос Алекиана прозвучал резко.

Свита и солдаты, притащившие гробы, склонились перед повелителем, а затем торопливо устремились прочь...

До утра Алекиан не показывался из часовни. Придворные, собравшиеся во дворе, с беспокойством переглядывались. Коклос несколько раз заглядывал в храм – зев ведущей в подвал лестницы был темен и тих... Наконец, когда маршал ок-Икери уже собрался объявить, что отправляется, вопреки приказу, за императором, тот показался на пороге. Как ни странно, выглядел юноша даже лучше, чем накануне – был спокоен и сосредоточен, двигался уверенно. «Кажется, пришел в себя», – шепнул Кенперт Войсу, тот кивнул. Все почувствовали облегчение, поскольку вчерашнее поведение

императора казалось странным и пугающим.

У дворцовых ворот послышался шум, голоса, скрип колес... Створки поехали в стороны – из замка Рехель прибыла императрица. Должно быть, торопилась и выехала с рассветом, чтобы поскорей присоединиться к супругу. Повозки, окруженные конвоем, остановились, латники охраны спешили, слуги отворили дверцу и помогли спуститься Санелане.

Алекиан молча пошел навстречу супруге, свита расступилась, образуя коридор, затем, сомкнувшись за спиной императора, последовала за ним. Санелана улыбнулась и протянула руки, Алекиан склонился к ней и ответил сдержанным объятием. Что-то прошептал на ухо, улыбка императрицы померкла. Затем супруг двинулся прочь, кое-то заторопился следом, солдаты и слуги разбрелись. Коклос подошел к Санелане, которая осталась посреди двора едва ли не в одиночестве, и буркнул:

– Братец сильно изменился, а?

– Я прежде не замечала, как сильно он походит на отца... – рассеянно произнесла императрица.

* * *

Ингви еще раз медленно оглядел Вентиса с головы до ног и вынес вердикт:

– Ну что ж, не хочешь – дело твое. Задерживать не стану, можешь отправляться на все четыре стороны. Денег с собой

дам. А если передумаешь... у меня вакантно место придворного чародея. В конце концов, ты такой немногословный – это уже плюс. Ну и рекомендация у тебя превосходная.

Вентис молчал. Вмешался Филька:

– Рекомендация? Я что-то пропустил?

– Его покойный наставник – Проклятый Принц Гериан. Это подходящая рекомендация, – и снова обернулся к Вентису. –хлопот будет много, свободного времени – наверняка мало. Работа грязная, опасная, неблагодарная – зато веселая. У нас не соскучишься. Ну что? Да или нет?

Вентис помолчал с минуту, затем кивнул:

– Я немного подумаю, хорошо?

– Лады...

Вентис отступил в сторонку, а Ингви обернулся к Счастливику с Аньгом. Молчание затянулось... Наконец демон заговорил, адресуясь в основном к Кари.

– Ну а с вами, голуби мои, что делать? Ну, паренек – ладно. Он, сдается мне, человек убогий, и вреда от него не будет. – Аньг слушал, хлопая огромными черными глазами, будто слова демона его не касались. Он и впрямь после схватки Создателей так и не пришел в себя, пребывал в прострации. – А вот ты, борода? Ты, знаешь ли, в большом долгу перед Ннаонной.

– Мадам, – Кари обернулся к вампирессе и галантно опускаясь на колени. – Поверьте, лишь злая судьба столкнула нас именно таким печальным образом. Я признаю свою вину и

готов отслужить. Хотя место придворного мага, по-моему, занято...

– Да, – подал голос из угла Вентис. К нему вернулась прежняя немногословность.

– ...так и думал, – Кари покачал головой. Ну, если не магом, то я – хоть кем. Хоть палачом, Гилфингом клянусь.

– А тебе службы никто и не предлагал, – пожал плечами король. – Речь пока что о том, как ты собираешься уговорить нас сохранить тебе жизнь. Может, найдешь хотя бы одну причину? Кстати, кто ты таков?

– Меня зовут Кари Счастличик. И я не собираюсь расширяться в лепешку, уговаривая ваше величество... Я – Счастличик.

– Ты уже представился, к чему повторять? Или это имя должно мне говорить о чем-то важном?

– Это имя означает, что мне всегда невероятно везет. Повезет и теперь, так что я за себя не беспокоюсь...

– Нахал.

– Вовсе нет! – Кари поднял брови. – Просто я знаю, что если существует хоть малейший шанс уцелеть, то он непременно мне выпадет. Ну, как тогда... гм... когда мы встретились на границе Альды. Если же мне суждено помереть, то это означает: уцелеть было невозможно.

– Либо, что твое везение исчерпано, – заметил Ингви.

– Это невозможно. Я – Кари Счастличик. Ваше величество, сохраните мне жизнь, я пригожусь. Да будет вам из-

вестно, что я не всю жизнь разбойничаю, бывали у меня и лучшие деньки. Совсем недавно под моим началом было больше тысячи человек, мы разрушали замки и...

Аньг всхлипнул и смахнул слезу.

– ...Они все погибли в Эгенеле, наши мальчишки – продолжил Кари. – Но пароли и связи у меня сохранились.

– Эгенель... – задумался Ингви. – Граф Ирс? Это неинтересно, он удрал в Сантлак. Что ты еще можешь вспомнить?

– Хорошо. Мое полное имя – Карикан из Геведа. Граф Карикан.

Услышав имя, Ингви сразу оживился. Граф Карикан – знаменитый авантюрист и мятежник!

– А еще, – торопливо продолжил Кари, – я могу рассказать вам о проделках, совершенных мною прежде, чем я стал графом. Довелось ли вам слышать имя Эвильет Изумруд? Тот, что был придворным магом императора до Гимелиуса? Это я прикончил его. Занимательная тогда вышла история, скажу вам...

– И я не узнаю этой истории, если прикажу тебя казнить? Ловко. Но ты выиграл. Живи! Живи, Счастливчик.

* * *

Гезнур во главе лязгающей металлом кавалькады влетел во двор замка и спрыгнул с коня. Его ждали – Бельвар, герцог Андрухский уже шагал навстречу, протягивая руки для

дружеского объятия. Не погнушался пропыленным нарядом гостя, отметил про себя Гезнур – стало быть, и впрямь желает союза.

– Идемте! – Бельвар сопроводил приглашение широким жестом руки. – Освежитесь с дороги, и за стол! Подписав такой договор, следует пировать неделю, не меньше!

– Прошу прощения, – Гезнур постарался, чтобы улыбка вышла искренней, – не хочу показаться неблагодарным гостем, но я очень спешу... Едва о нашем союзе станет известно Алекиану, как буря разразится незамедлительно, а мне так много предстоит сделать... Известили вы Верховного Тролля? Я завтра же отправляюсь к нему.

– Э... Но как же так... Не принять дорого гостя как следует... – герцог выглядел расстроенным. Может, в самом деле искренне рад союзу с Гевой? И искренне хотел бы попить с союзником?

– Пустое! Мы еще славно попируем на руинах ванетской тирании! Велите подать воды, я в самом деле умоюсь... Затем бумаги.

– Но вы не откажетесь выпить со мной?

– Конечно! За наш союз следует выпить. Герцог, сейчас я обязан торопиться, но этот должок останется за мной – мы еще напьемся, как следует, за дружбу! Мы напьемся так, что бесам в Проклятии будет тошно! Могу я получить свежих лошадей для моего конвоя?

Король Гезнур не стал говорить «прошу коней», он выра-

зился по-другому – и Бельвар ответил утвердительно. Признанная улыбка гевца стала еще шире – пусть он заключает договор о союзе, а не принимает вассальную клятву, но ни король, ни владыка Андруха не допускают сомнений, кто здесь главный.

Бумаги король Гевы подписал, едва глянув на них – продемонстрировал доверие к союзнику, затем – за стол. Пока гевец утолял голод, герцог Бельвар рассказывал:

– Верховный Тролль принял моих послов без почета, разумеется. Пока не были произнесены слова о нашем отказе служить Империи, эти каменюки глядели на моих людей во все не любезно. Но мысль о союзе против Ванета их вождю наверняка понравилась. Наверняка. Он сразу заинтересовался и спросил, не собираемся ли мы привлечь к этому союзу короля Альды. Почему-то юный тролль очень интересуется мнением демона.

– О! Здесь... – Гезнур торопливо прожевал кусок. – Здесь все в порядке, формального союза с Альдой нет, но это вопрос времени. Король Ингви – здравомыслящий монарх, он непременно присоединится к нам. К тому же я с ним на короткой ноге, можно сказать, мы друзья!

Бельвар покачал головой – должно быть, сомневался в способности Гезнура иметь друзей. Но вслух промолвил лишь:

– Надеюсь, что так. Во всяком случае, когда мой посол заметил Верховному Троллю, что вряд ли демон станет слу-

жить нынешнему императору после того, как Элевзиль выгнал его из Альды, это произвело самое благоприятное впечатление.

– Да, кстати! – вспомнил гевец. – А как зовут Верховного Тролля? Имя-то у этого булыжника есть?

– Имя... – герцог сконфузился. – По-моему, он скрывает собственное имя. Я ни разу не слышал, чтобы кто-то называл его.

– Ну и Гангмар с ним, с именем... Сэр Бельвар, у вас превосходное вино! – Гезнур поставил пустой кубок и перевел дух, прежде чем подцепить кинжалом кусок оленины. – Я непременно сдержу клятву, и мы славно попируем, едва выдастся спокойная минутка. Непременно! Однако нынче я должен спешить на встречу с этим безымянным троллем... А затем – еще одна встреча, пока что не запланированная моим будущим визави. Еще один потенциальный союзник... Ох и компания подбирается, Гангмар меня возьми! Ох и компания...

Глава 9

– Очень хорошо, господа мои, очень хорошо! Да! – пропыхтел пухленький толстячок Фенгим, герцог Тилы, гремя латами. – Очень славно, что вы пожаловали так вовремя!

Герцог раздувал щеки, то и дело расправляя пышные усы – должно быть, старался выглядеть воинственно и грозно. Усы в самом деле были хороши – длинные, жесткие, напоминающие стоящие торчком кошачьи хвосты. Господа, к которым обращался толстяк, посланцы императора, переглянулись. Они не возражали, что дело закончилось довольно хорошо – в конце концов, тильские вояки не зарубили их, приняв за вражеских лазутчиков (как собирались сперва), а препроводили, пусть не слишком вежливо, к Фенгиму.

Сложность ситуации заключалась в следующем: Алекиан отправил их с поручением вовсе не к тильскому герцогу, а к королю Тогера Ройнрику V. Задачей послов было разрешить споры между Ройнриком и Фенгимом, дабы оба, не тратя сил в междоусобице, поспешили с армиями к императору.

Путь в Тогер, зажатый между Дырявыми и Отвесными горами, лежал через Тилу. Посланцы императора пересекли герцогство – и вот на самой границе Тогера их окружили кавалеристы в полном боевом снаряжении и едва не набросились, крича: «Смерть Тогеру!» Оказалось, послы опоздали, и война между Тилой и Тогером началась. Сказать от-

кровенно, рыцари и не надеялись, что им удастся справиться с поручением Алекиана, слишком уж далеко зашел конфликт... Единственный путь из Тогера в центр материка, в Империю, лежал через Тилу, так что Фенгим, пользуясь этим обстоятельством, установил очень высокие пошлины для тогерцев. И если прежде оставались еще морские пути – хотя и не слишком удобные для навигации из-за сложности фарватеров в Мокрых Камнях – то теперь набег северян лишили жителей королевства и этой возможности торговать с Империей. Тогер нуждался в снижении пошлин, Фенгим не думал уступать... И вот – война!

Разумеется, по пути послы Алекиана наблюдали военные приготовления, однако оставалась надежда, что монархи собираются ограничиться угрозами и демонстрацией... Из двоих более покладистым казался Ройнрик – поэтому к нему и направлялись имперцы. Старший посол, седоватый одноглазый рыцарь, обратился к толстому герцогу:

– Ваша светлость, позвольте нам проехать через ваши боевые порядки к Ройнрику и переговорить с ним. Его императорское величество шлет королю письмо с увещеваниями и...

– Что? Увещевания? – Фенгим снова разгладил усы. – Бросьте! Бросьте, мои добрые господа! Ройнрик – бешеный пес, его не вразумит ничто, кроме холодной стали!

Старший имперец прикусил усы, чтобы не рассмеяться – до того потешным выглядел воинственный коротышка с его

высокопарными речами, словно почерпнутыми из рыцарского романа. Младший посол не сдержался и хихикнул. К счастью, толстяк был слишком увлечен и не обратил внимания.

– Да, да! – воскликнул он, опуская ладонь на эфес меча. – Сейчас мы зададим ему хорошую взбучку! И не отговаривайте меня, дерзкий Ройнрик своими оскорбительными угрозами переполнил чашу терпения Тилы! Войны не остановить! Но я предоставляю вам возможность переговорить с негодеем, да, да! Клянусь, Гангмаровым хвостом! В Тогере, его столице, когда я буду восседать на троне Ройнрика, а самого короля приволокут в цепях – тогда вручите ему увещательные письма императора. Да, да! А пока что прошу вас не торопиться. Поглядите, как мы всыпем тогерским трусам! Отсюда. С холма, открывается прекрасный вид, да! Да!

И герцог, оставив послов, поспешил занять место под тильским знаменем. Оруженосцы и телохранители поскакали следом, холм, на котором оставались послы, опустел... На противоположном краю поля трубили рожки, там тоже смешались, сверкая доспехами, рыцари и развевались пестрые знамена. Можно было не сомневаться, что и там произносят торжественные речи, грозя «трусливым тильцам»...

– Что же нам делать, сэр? – спросил одноглазого ветерана младший посол, румяный юноша. – Как поступить?

– А никак... – старший пожал плечами. – Думаю, нам надлежит последовать совету герцога и оставаться на этом холмике... Хотя нет, переедем во-он на ту высотку, там безопас-

нее, а битву разглядим не хуже, чем отсюда.

Дворянин указал на соседний холм.

– А зачем туда? – поинтересовался молодой. – Здесь все-таки лучше обзор.

– Если тильцы побегут, то не исключено, что поскачут через этот холм. Тогда нам лучше не оказаться у них на пути. Когда здешние господа спасаются бегством, они опасней, чем даже когда идут в атаку. Затопчут.

– Ах, вот как... – оба пустили коней, оруженосцы следом.

– Хотя, – продолжил рассуждать вслух одноглазый, – победит все же скорее Фенгим. Он собрал большое войско, как видишь. Полагаю, часть сантлакских волонтеров Велитиана сбежала сюда после того, как мы их разогнали. Что ж, пусть так, пусть лучше растратят свой пыл на окраинах Империи, чем вновь станут злоумышлять простив его величества... О, гляди – они начинают!

Даже здесь, на отдаленном пригорке земля ощутимо задрожала под ногами, когда две конные массы устремились в атаку, а затем с громоподобным треском сшиблись посреди довольно тесной долины, зажатой между пологих холмов. В самом деле, сразу же проявилось превосходство тильской кавалерии – у герцога было больше дворян, и вооружены они оказались получше, чем рыцари короля Ройнрика. Послы Алекиана с любопытством глядели с холма, как две лавы столкнулись, рассыпав по краям, словно брызги, отдельных всадников, схватившихся на флангах вне строя... Прекрас-

ное зрелище! Постепенно топот, крики и лязг стали удаляться – схватка смещалась к западу, дальше от имперских рыцарей. Тильцы одолевали. Топча поверженных, шаг за шагом кавалерия Фенгима теснила противника.

Вслед за рыцарями двинулись пешие латники и стрелки Тилы... На гребни холмов, окружающих долину, высыпали лучники Ройнрика, в небо взмыли стрелы... тильцы выдвинулись против вражеских стрелков... А в это время кое-кто из тогерских кавалеристов уже разворачивал коней, надеясь спастись бегством... Схватка пехоты уже ничего не могла изменить, хотя на флангах успех, кажется, сопутствовал королевским стрелкам – преимущество кавалерии герцога Фенгима предрешило исход боя...

– Н-ну что ж... – протянул одноглазый. – Мы, разумеется, попытаемся отыскать его величество Ройнрика... но уже сейчас можно отправлять гонца в Ванетинию – из этих краев его величеству не следует ожидать ни поддержки, ни нападения. Здесь все заняты собственными делами.

* * *

Принц Гларьель глядел в окно. Он сидел в кресле, а Ионна, его нынешняя любовница, стоя позади, расчесывала роскошную волнистую шевелюру повелителя. За окном простиралась гладь озера – ровное зеленоватое стекло.

Окно, в которое глядел принц – широкое, стрельчатое –

находилось на втором этаже огромного, почти кубического, сооружения, некогда игравшего роль цитадели. Уже минуло более ста лет с тех пор, как предки Гларьеля распространили свою власть на весь остров, заставили прочих сеньоров склониться перед ними – так что еще дед нынешнего принца велел вместо бойниц прорубить огромные оконные проемы, вставить рамы с красивым разноцветным «гномьим стеклом»... при нем же помещения для стражи, оружейные хранилища и склады продовольствия переоборудовали в залы и уютные покои придворных – словом, донжон превратился во дворец. И вот эти огромные удобные кресла – они тоже появились во дворце, нависшем над отвесным обрывистым берегом, при дедушке...

Да. Давно власти и самой безопасности ленотских принцев ничего не грозило... Подданные были преданы и покорны, налоги невысоки, а воинственные порывы благородного сословия находили выход в набегах на гевский берег – благо, императоры неизменно щедро подкрепляли золотом исконную вражду ленотцев к соседям, а в случае чего – ванетские владыки могли взять верного вассала под защиту. Принц Гларьель привык жить в свое удовольствие, наслаждаться покоем и мирными забавами. Любовниц он менял довольно часто, но неизменно заботился о покинутых девушках, иных выдал замуж, обеспечив приличное приданное, иным выплачивал достойный пенсион, дабы могли жить в довольстве, не завидуя новым пассиям принца.

Однако нынче настали новые времена. Элевзиль убит, а Гева вот-вот открыто восстанет против нового императора. Гларьелю было известно, что на территории Гевы не осталось нынче ни одного имперского вассала, всем пришлось склониться перед королем, либо погибнуть. Не сегодня – завтра гевцы могут покуситься и на остров Ленот. Раз уж они обнагтели настолько, что открыто мстят всем союзникам Ванета, скоро придет черед и Гларьеля.

– Наш остров прекрасен, – промолвил принц, – верно, Ионна? Будет обидно, если придется снова заложить камнем это окно, оставив лишь узкую щель для наблюдения за озером и стрельбы из лука... Замуровать парадные двери дворца, снова превратить балкон на западном фесе стены в ворота и восстановить механизм подвесного моста.

Девушка тяжело вздохнула, и принц почувствовал, что гребень вздрогнул в ее пальцах. Конечно, сейчас все жители благословенного острова Ленот гадают, не появятся ли у их берегов барки с кровожадными гевскими солдатами на борту?

В дверь постучали. Явился с докладом маршал, сэр Ройль из Лаперна.

– Ваше высочество?

– Да, сэр Ройль, входите. Вы приняли меры к обороне острова?

– Ваше высочество, я не один... со мной гость.

Принц отстранил руку Ионны и поднялся. В комнату во-

шел маршал, за ним – худощавый мужчина в темном плаще. Гларьель покосился на девушку, та качнулась в быстром поклоне и выскользнула из комнаты, тихой тенью промелькнув мимо гостей повелителя. Когда дверь, чуть скрипнув, затворилась за ней, Ройль заговорил:

– Ваше высочество, этот человек – колдун Ривдинет Энмарец. – Я полагаю, вам полезно будет выслушать его.

– Ваше высочество... – маг согнулся в поклоне.

– Говори, мастер.

– Ваше высочество, я родом из Энмара, принадлежу к роду Сапфиров.

– Известный клан, – кивнул Гларьель.

– Так сложилось, что я вынужден был покинуть родной город и теперь ищу сеньора, служба которому окажется достойна моих талантов. Вашему высочеству я хотел бы... если мне будет позволено... предложить...

– Ваше высочество, – вступил в разговор маршал. – Мастер Ривдинет Сапфир утверждает, что хорошо знаком с тактикой морского боя, всевозможными колдовскими уловками, и прочим в таком духе... Также, утверждает он, у него имеется чертеж энмарского боевого корабля...

– Энмарская бирема? – Гларьель поднял брови. – Любопытно.

– С позволения, вашего высочества, – пояснил маг, – построить бирему – все равно, что возвести замок, затрат не меньше, и даже более... Дорогое удовольствие, зачем же по-

добные неумеренные траты? Да биремы и не к чему здесь, на озере, так как Гева не располагает мало-мальски сильным флотом. Чтобы противостоять перевозящим десант баркам будет достаточно нескольких небольших галер. Такой флот, подкрепленный моими магическими ухищрениями, будет непобедим здесь, в Ленотском озере! Гевцы, не имеющие боевых кораблей вовсе, ничего не сумеют противопоставить вам.

– Я хочу предложить план кампании, ваша светлость, – снова встрял Ройль. Нет смысла ждать нападения здесь, на острове. Мы выстроим флот, вооружим его, и станем нападать на гевские пристани. Идеальным было бы вовсе уничтожить все их порты на озере... Но, в любом случае, наш шанс в том, чтобы не допустить их к берегам Ленота.

– Ага, – задумался Гларьель, – тогда нам не придется готовить замки в обороне и менять наш мирный образ жизни... Однако постойте, строительство флота и морская война стоят недешево, верно?

– Увы, ваше высочество, – кивнул маршал. – Нам придется поднять налоги. Послы, отправленные в Ванетинию, не возвращались, однако можно не сомневаться – денег из Валлахала более не будет.

– В таком случае, – заключил Гларьель, – я хотел бы, чтоб подданным объявили: повышение налогов – временная мера, вызванная военной опасностью. Надеюсь, наши добрые ленотцы поймут, что лучше потеря денег, нежели война на

собственной земле. Однако очень жаль, что мы лишились поддержки императора... Кстати, маршал, напомните мне нынче за обедом, нам надлежит отправить посольство в Болотный Край. Принц Лонервольт нынче в том же положении, что и мы. Думаю, было бы уместно заключить с ним союз. Договор о взаимной вырубке. Если нам не поможет Ванет, то будем искать союзников помельче, да поближе.

– Мудрое решение, осмелюсь заметить, – подал голос Ривдинет Энмарец, снова склоняясь перед принцем.

* * *

– Эй, а как тебя звать? Имя-то у тебя есть? – невольник намотал цепь на руку, чтобы не волочилась в пыли, и теперь шагал рядом с коротышкой, отставая на полшага. – Как мне к тебе обращаться?

– Я для тебя – господин... – человечек в камзоле задумался. Несколько шагов молчал. – а прежде у меня... Да, прежде... Прежде было имя... И был собственный господин...

– А теперь?

– А теперь нет его. Эх, такой господин, такой господин! Другого такого господина в Мире не сыскать! Граф Эстакский господин мой был!

– А, Каногор!

– Господин Каногор! – строго поправил коротышка. – О,

какой был человек! Великан среди нас! Всем, что знаю, ему обязан. Я, на господина Каногора глядя, жизни учился. А теперь его нет... Сражен, как геройский воин, на поле брани.

– И... что же?

– И то, что теперь нет у меня больше господина, сам я теперь господин. А ты – мой раб. Можешь у меня учиться.

– Да, – невольник обрадовался доброму расположению коротышки и поспешил продолжить беседу. – И все-таки, как тебя зовут?

– Ну, Дартих. Теперь-то какая разница? Для тебя я – хозяин... А для прочих...

Коротышка задумался и умолк.

– Что для прочих? – с живостью переспросил юноша.

– А для прочих я – просто никто!

– А я...

– А ты – раб, и лучше молчи!

Разговор снова прервался.

– Слушай, – невольник, звякнув металлом, намотал цепь еще на оборот, – а как ты ловко... Этих, ну... тех двоих! Здорово у тебя вышло...

– Запомни, парень, главное – смотреть им в глаза. Если смотришь в глаза, мужичье трусит. И еще, – коротышка, рванув цепь, развернул собеседника к себе лицом и уставился в упор, – когда глядишь на него вот так, то угадаешь, что он выкинет в следующую минуту. А если знаешь – можешь упредить! Этому меня тоже господин когда-то научил. И ко-

лотил он меня... Ух, как он меня, бывало, колотил... пока не выучил...

Дартих резко, без замаха, ткнул пухлым кулаком в живот юноши – тот с хрипом сложился пополам.

– А еще меня господин учил: ни от кого добра не жди, – заключил коротышка. – Так-то.

Мимо по дороге проскакали полдюжины всадников в гвардейских красно-желтых плащах. Едва мазнув взглядами по встречным – ну что ж такого, господин закованного в цепи растяпу-раба поучает – помчались дальше.

– Видел? – осведомился Дартих.

Невольник сплюнул под ноги и с усилием выпрямился, по-прежнему прижимая ладони к животу. Хозяин рванул цепь, так, что юноша пошатнулся, и повторил:

– Видел солдат, спрашиваю?

– Ну, видел...

– Тебя ищут. Но не найдут. Пока ты в цепях – ни за что не найдут.

Глава 10

В Валлахал стали собираться дворцовые слуги. В большинстве своем это были потомственные прачки, судомойки и лакеи, профессия передавалась в роду из поколения в поколение. Век за веком члены семьи служили в Валлахале, ежедневно являясь во дворец и проводя в нем большую часть жизни. Согласно издавна установленному порядку, на ночь почти все покидали императорскую резиденцию, но все существование прислуги было связано с этим комплексом зданий – поэтому, когда после переворота их не пустили в Валлахал, многие так и не сумели свыкнуться с потерей службы, приспособится к другой жизни. Несколько человек сошли с ума, двое иди трое покончили с собой... Эти подданные тяжелее прочих приняла смену власти. Они чувствовали почти физические страдания, наблюдая чужаков в *своем* дворце.

И вот теперь, когда прислугу вновь созвали в Валлахал, люди явились, как на праздник, улыбаясь. Их не смущал хмурый вид солдат в воротах и недовольная мина Кенперта, которому выпала неблагоприятная задача – составить списки тех, кому дозволен регулярный вход во дворец. Слуги охотно записывались, подробно рассказывая о своих обязанностях, и расходились по местам. Сразу же закипела работа – все дружно принялись наводить чистоту, выносить груды мусора, уснувший Валлахал пробуждался к жизни. Бедняга Кен-

перт оказался завален просьбами и жалобами – не хватало того и этого, требовалось закупить продукты, инструмент, всевозможные строительные материалы... Конечно, рыцаря никто не назначал на должность кастеляна, просто так вышло само собой, что прислуга обращалась к нему, раз уж он ведал списками... А к кому же еще?

Сэр Кенперт, у которого не было ни денег, ни охоты к управлению дворцовым хозяйством, помчался к Алекиану... Императора он отыскал на втором этаже в обществе ок-Икерна. Его величество стоял на балконе, обращенном на площадь, и указывал маршалу, где и как разместить эшафот.

– ...думаю, следует поднять повыше. Не каждый день мы казим преступников столь высокого ранга. Наши добрые подданные наверняка захотят полюбоваться.

– Но, ваше императорское величество...

– Да, маршал?

– Все-таки, юные девицы... Я еще понимаю, их мать, графиня – она наверняка знала о планах мужа. А дети? Быть может, все-таки следует проявить великодушие и пощадить дочерей Каногора?

Кенперт, уже вышедший с поклоном на балкон, почувствовал, что угодил не в добрый час... однако ретироваться было поздно. Алекиан ответил на поклон рыцаря кивком и снова обернулся к маршалу.

– Сэр Брудо, – холодно произнес император, – у нас много врагов и, я уверен, в будущем представится еще нема-

ло случаев проявить великодушие. Однако... Однако семью главного заговорщика, великого изменника, богохульника и убийцы Каногора непременно следует уничтожить. В назидание современникам и потомкам. Так что к завтрашнему дню эшафот должен быть готов, а весь город – оповещен о казни. Я желаю, чтобы как можно больше людей явилось на площадь. Пусть все видят, какой конец ждет тех, кто покушается на Империю... Что у вас, сэр Кенперт?

Смена темы должна была показать ок-Икерну, что с казнью – вопрос решенный.

– Э... Ваше императорское величество, я, кажется, не вовремя... – забормотал рыцарь. – Я со списками прислуги... Видите ли, кто-то должен заняться хозяйством... Но я не... никогда не... И еще им нужны деньги, потому что кладовые пусты...

– Разумеется, – кивнул император, – я понимаю. Нет, сэр, не беспокойтесь, вам не придется заниматься такой ерундой. Отыщутся дела, более соответствующие вашим талантам и заслугам. Кого-то надо назначить на эту должность... Кого бы? Как вы полагаете, маршал? И как этот человек должен именоваться?

– Нужен кастелян или управляющий. И еще не хватает лошадей, все разграблено, – робко подсказал Кенперт.

– Да, да... Назначить управляющим Коклоса? – глядя поверх склоненной головы рыцаря, протянул Алекиан. – Нет, это глупость. Честный управляющий – это глупость. Мне ни-

кто не приходит на ум... Кстати! Нам нужен палач! Сэр Брудо, подумайте и об этом заодно... И самое главное – архиепископ! Управляющий, палач, архиепископ... С архиепископом – сложнее всего.

– Еще бы! – пискнул Коклос, осторожно выглядывая на балкон. Пользуясь правом свободно разгуливать по Валлахалу, шут прокрался следом за Кенпертом и подслушал конец разговора. – Конечно, сложнее! Ведь архиепископу придется быть и управляющим, и палачом одновременно!

* * *

Наконец Ингви решил, что переговорил со всеми, с кем должно, Филька и Кендаг собрались восвояси, причем каждый пообещал явиться немного позже с супругой, а король отправился в свой старый кабинет – устраиваться. Выяснилось, что Кадор-Манонг успел переоборудовать помещение под свой вкус. Большой рабочий стол исчез, вместо него появился другой – поменьше, овальной формы, на тонких гнутых ножках. Стулья здесь теперь тоже были под стать – резные сиденьца энмарской работы. По углам рядами выстроились кувшины – большей частью пустые, но в некоторых булькало, как тут же успел выяснить неугомонный Никлис. И – повсюду грязь. Тот же старый слуга, распорядившийся за завтраком, пояснил, что «злой король» время от времени уединялся здесь, чтобы предаться размышлениям над го-

сударственными делами, а прислуга в этой комнате убирать побаивалась, поскольку монарх, наразмышлявшись, бывал подчас несдержан и проявлял недовольство очень уж бурно. Случалось, и кувшином запустить мог.

Олифеннча Прекрасная против частых монарших размышлений не возражала, она вообще во всем «злому королю» потворствовала... да и кто она такая, чтобы перечить государю?

– Ясно... – протянул Ингви, окидывая кабинет печальным взглядом. – Ну что ж, это барахло – вон отсюда. Разыскать мой старый стол, а если не удастся – найдете что-то похожее. Полки вернуть на прежнее место. А куда книги делись?

– Госпожа Олифеннча в сундук сложить велела, – развел руками старик, – а нам ключей от сундука не давали. Должно быть, там и пылятся...

– Книги – сюда. Никлис, сундук вскроешь. Сумеешь?

– Так эта, твое демонское... Я не мастак-то, я больше по другой части. Замок сломать – вполне могу.

– Ну, попробуй по-хорошему все-таки с замком. А не выйдет – что ж, ломай. Я привык, чтобы книги были под рукой. И еще мне понадобится карта королевства. И карта Мира тоже. Начинайте уборку, а кадор-манонгово барахло – на помойку.

– Зачем же на помойку, твое демонское? Если оно тебе без надобности, может, я себе что подберу?

Никлис покосился на вереницу кувшинов.

– Да хоть все забирай, – согласился Ингви, – только не

напивайся.

– Как можно!

Слуги удалились за водой и тряпками, Никлис тоже исчез, прихватив пару кувшинов – поволок в комнату, где устроил себе логово. Ингви прошелся по кабинету, избегая наступить на подозрительные темные пятна, испещрявшие пол... оглянулся. Вампиресса стояла в дверях, облокотившись на косяк, и внимательно наблюдала за Ингви.

– Ты чего так смотришь? – поинтересовался король. – Я что-то забыл?

– Нет... нет... ничего...

– Ну, так в чем дело? Ты как будто чего-то ждешь.

– Я присматриваю, чтобы ты не приказал сюда снова кровать приволоочь.

– Ах, это... Нет, не беспокойся. Меня вполне устраивает спальня.

Оба улыбнулись. А в коридоре тем временем шумел Никлис. Он объяснял альхелльским слугам, что, во-первых, обращаться к нему следует «господин, слышь-ка, начальник стражи», а во-вторых, чтобы не смели ничего ни на какую помойку, Гилфинг упаси, выбрасывать! Всему применение найдется... Да, и чтоб пол оттирали чище. Для его, значить, демонского величества стараются, так-то!

– По-моему, жизнь налаживается, – заметил Ингви. – Идем отсюда, не будем слугам мешать, а?

Вернувшись в спальню, Ингви обнаружил, что сундук уже

открыт. Никлис поспел и здесь в перерыве между рейсами за кадор-манонговым вином. Демон откинул крышку и взял в руки первый попавшийся том – конечно, «Гвениадор и Денарелла»! И книгу явно недавно читали – между страниц был вложен цветок... Вероятно, ведьма Фенька увлеклась чтением... Ннанонна тоже глянула. Взяла цветок, повертела в пальцах и заявила:

– Видишь, она тоже читала, оказывается.

– Выходит, так.

– Ну, разумеется. Что ей, бедной, оставалось, пока Кадор в кабинете напивался? Только книжки читать да гобелены штопать.

– А ты чем предполагаешь заняться в свободное время?

– А оно будет, свободное-то?

– У меня – похоже, нет. Столько всего предстоит сделать... Королевство в таком же состоянии, как и мой кабинет... Заблевал его коллега. Мне теперь нескоро отдыхать придется. Или сбежать куда-нибудь отсюда?

– Ну, значит, и мне тоже!

– Что – тоже?

– Или скучными делами заниматься, или сбежать.

– Ваше величество! Ваше величество! – раздалось в коридоре.

– Ну вот... – Ингви пожал плечами. – Начинается. Идем, узнаем, что им надо?

Скорей! Скорей! Гезнур отправил часть людей домой, взамен – взял андрухского сеньора, понимающего по-троллински, с отрядом латников. Сменили лошадей и снова в путь. Солдаты не роптали, всех захватил ритм быстрого рейда, передалось настроение Гезнура: скорей! Скорей! Скорей – или будет поздно. Латники и королевские стрелки не считали себя патриотами, не любили рассуждать о высоких материях, вроде преданности королевскому дому или верности королю... но полагали естественным чувством ненависть к Империи, готовы были жертвовать многим ради торжества собственного короля (которого за глаза называли «наш пройдох») над императором. Это считалось нормальным порядком вещей – ненавидеть Империю. Теперь все они верили новому королю, который объявил – только быстрота поможет спасти Геву от кровожадного врага... Скоро ли «нашим пройдохой» станут величать младшего короля? Наверное, да.

Сперва Гезнур вел колонну шагом – привыкал к коню. Затем перешел на рысь, топот копыт позади сначала стих, затем опять приблизился, нарастая – конвой вслед за королем перешел на новый аллюр. Андрухский рыцарь нагнал короля и пристроился сбоку.

– Скажите, сэра, – окликнул дворянина Гезнур. – Это вы говорили с троллем? Насчет предстоящей аудиенции?

– Да, ваше величество. Среди наших сеньоров немногие овладели речью булыжников.

– А из этих немногих далеко не каждому можно доверить посольство, верно? – подхватил король.

– Именно так! Потому переговоры поручают, как правило, мне. И тролли меня знают...

– Стало быть, вы станете переводить?

– Нет, зачем же! Верховный Трольль отлично говорит на общем. Разве вы не слышали? Он долго служил в гвардии, с тех пор ненавидит Империю и все, что с ней связано. В чем-то я его понимаю, конечно...

– Да, разумеется. А что его связывает с Альдийским демоном?

– О, вы и об этом слышали! Нынешний Верховный Трольль сбежал от Алекиана, когда тот, будучи герцогом Гонзора, воевал в Альде с демоном. Воспользовался неразберихой в бою и сбежал. Теперь булыжник втемяшил в свою уродливую башку, что обязан свободой альдийцу. Глупость, но с троллями вечно так! Если что решил, то уж никак из него этого не выбить. Одно слово – булыжник!

– Что ж, – кивнул Гезнур, – пусть так. Зато его любовь к демону наверняка облегчит мою задачу. Мы с альдийцем приятели. А скажите-ка, если тролль понимает общий, почему посла выбирают из числа тех, кто говорит на их языке?

– Ну как же! Для того, чтобы сговориться с другими троллями. Пока доберешься к их главному, приходится иногда

стольким каменюкам втемяшить, что ты посол, а не добыча... Гунгиллиных ветвей они не понимают. Дыррыдам умггрумргх...

Гезнур расхохотался.

– И что вы сейчас сказали?

– А, не обращайтесь внимания! На общем эта фраза не имеет смысла. Что-то вроде: «чтоб тебе стать мягким»... Конечно, это не точный перевод, в нашей речи нет такого слова... а звучит неплохо. Но вы не беспокойтесь, тролли нас ждут.

– Сколько еще до границы? – спросил король. – Сегодня не поспеем?

Теперь расхохотался андрухский сеньор.

– Ваше величество, вы такого невысокого мнения о моей стране? Андрух не пересечь за день! Нынче мы остановимся на ночлег в замке Вернест, принадлежащем герцогу. Там приготовлены сменные кони. И с рассветом – в путь!

– А этот замок уже близко? – с беспокойством осведомился Гезнур.

Его спутник снова рассмеялся.

– Его светлость герцог Бельвар знает, что вы спешите, поэтому назначил ночевку как можно дальше на восток. Мы прибудем за полночь.

– Тогда чего же мы ждем? Вперед!

Гезнур пришпорил коня. Скорей! Скорей!

Глава 11

Санелана велела накрыть на стол и послала служанку пригласить императора к обеду. Алекиан вошел и, едва окинув стол быстрым взглядом, сел рядом с женой. Схватил первый попавшийся кусок и принялся жевать, уставившись в ска-терть перед собой.

Супруга, обернувшись к нему, принялась неторопливо объяснять, что нынче обед очень скромн, так как она просто-напросто не могла подготовить достойную трапезу... И на кухне все разграблено, и готовить пришлось в основном из того, что она прихватила с собой... Алекиан, едва покосившись в ее сторону, торопливо прожевал и буркнул:

– Пустое, дорогая. Я прекрасно понимаю, что сейчас творится на кухне... Представь себе, то же самое – во всем Ванете... по всей Империи...

И потянулся за следующим куском. Санелана расстроилась, ей хотелось поговорить о пустяках, о делах мелких, но *приличных*, подходящих для обсуждения за столом. Из подобных незначительных, казалось бы, вещей и складывается жизнь двора... А из *приличной* жизни двора, как дуб из желудя, вырастет порядок в Империи, и если Алекиан не желает этого понять, Санелана ему объяснит. Императрица положила пухлые пальцы на мужнино запястье (ох, манжеты грязные!), и проворковала:

– Милый, что тебя беспокоит? Чем я могу помочь?

– Вряд ли ты сможешь помочь. Представь себе, у меня нет никого, кто мог бы распоряжаться финансами, кто мог бы управлять дворцом... пока мы шли в бой, у меня не хватало солдат, а теперь – когда мы уже победили – то же самое! Ну, подыскать кастеляна для Валлахала – это еще как-то можно... кого-то из старых слуг, пока что, временно... Но канцлер! Мне нужен человек, которому я смогу доверить казну... Но мало того, потребуется целый штат чиновников – понимающих, грамотных... Надежных чиновников... Их неоткуда взять.

Санелана позволила себе улыбнуться. Она знала, что рано или поздно все станет, как прежде, и муж снова будет слушать ее советы и делать по ее, Санеланы, слову. А она знает, что сказать!

– Назначь епископа.

– Что?

– Нашего гонзорского епископа, отца Фенокса. Он сам распоряжался делами епархии, вспомни! И он привезет из Гонзора достаточно клириков, привыкших к подобной работе. Ну а потом...

– Санелана, дорогая! – Алекиан развернулся всем корпусом к жене и ухватил ее ладошки. – Отличный совет! Я как раз раздумывал, как бы половчее отказать этому попу... Он же добивается поста архиепископа и, конечно, ждет, что я поддержу его притязания. А меня он как раз не устраивает,

вот пост канцлера – это должно его примирить с отказом от архиепископского кресла! Умница моя...

Улыба жены стала шире, Санелана поздравила себя с удачным ходом... но немного огорчило ее, что муж не улыбнулся... что-то с ним не то, прежде Алекиан вел себя куда естественней. Видимо, тяжелый поход... и эти ужасные похороны Элевзиля... Он оправится, конечно!

– Конечно! – продолжал тем временем император. – Он привезет свою свору, они разберутся с делами... ну хоть как-то разберутся. В таком вопросе главное – начать... Они здесь окажутся чужаками, значит – будут стараться и побоятся воровать. По крайней мере – поначалу... Постой, а гонзорская епархия?

– Он останется ее главой, хотя и номинально, – живо отозвалась Санелана. – Назначит вместо себя какого-нибудь викария. Только ты должен переговорить с ним очень вежливо и...

– Разумеется! Разумеется, вежливо! Кстати, он как раз собирался в Гонзор за какой-то реликвией... Там хранится в Пинедской обители... Попрошу его, чтоб поторопился обратно, да не забыл прихватить с собой попов пограмотней.

Алекиан резко встал, с грохотом отодвинув стул. Склонился, чмокнул жену в лоб и объявил:

– Еще раз благодарю, сокровище мое. Я немедленно отправлюсь переговорить с отцом Феноксом. Потом смотри, маршал просил меня явиться... это ободрит наших рыца-

рей...

– Пстой, а десерт?

– Спасибо, милая. Я сыт. Заканчивай обед, пожалуйста, без меня. Столько дел... И ведь непонятно, кому бы лучше занять пост главы Церкви! Это очень важно.

Император развернулся и широкими шагами спешно двинулся прочь.

– Хорошо, я подумаю над этим, – торопливо бросила ему в спину Санелана.

Интересно, услышал или нет?

Из-под стола выполз Коклос Полгнома, который, даже получив дворянский титул, не изменил прежним привычкам.

Взобравшись на оставленный Алекианом стул, карлик придвинул к себе блюдо со сладкими пирожными и объявил:

– По праву ближайшего родича мужеска полу я наследую место братца. Видишь, сестрица, каким он умеет быть неблагодарным? То-то же! Сколько я ему советов дал, вел, можно сказать, его от победы к победе... направлял на добрую стезю! И прогонял со стези недоброй! В шею прогонял! В три шеи!

Карлик набил рот, не прерывая обличительных речей.

– А где, спрашивается, благодарность? Нигде. Вот теперь ты, сестрица, ему будешь давать советы и получать в ответ черствую неблагодарность, – Коклос вытер крем со щек и тихо шепнул. – Обязательно позаботься, сестрица, чтобы епископ узнал, благодаря кому получит важный пост. И еще –

обязательно растолковать, что архиепископом ему не бывать все равно! Фенокс должен уразуметь, что получил все, что только мог! Если хочешь, я возьму это на себя.

И снова принялся за пирожные. Санелана подумала, потянулась, привстав... и придвинула поближе к карлику еще одно блюдо со сладостями.

* * *

Ингви полагал, что за день принял всех желающих поглядеть на короля-демона... но просчитался. Никлис снова поутру, улыбаясь с деланным смущением, доложил: аудиенции дожидается немаленькая толпа. Дышал начальник стражи в сторону и к его величеству не приближался, чтобы тот не уловил запах перегара. Но по блестящим хитрым глазенкам и так было ясно: следуя букве приказа, Никлис не напивался допьяна, но к кадор-манонгову наследству прикладывался регулярно.

– Ну и кто сегодня? – со страдальческой миной поинтересовался король.

– Известно, кто. Городские явились сызнова, у кого жалобы, кому просто желательно твоим демонским величием поближе полюбоваться. Кендаговы орки пожаловали, сто рыл. Ну, эти-то прилично себя ведут. А толстяк больше всех орет.

– Какой еще толстяк?

– Ну, этот – бывший старшина кузнечный. – Желаю, орет, самолично полюбоваться нашим законным королем! Уж так, орет, его ждал! Я его и так, и этак – мол, уймись, мастер... А он ни в какую. И орет.

– Паршивый, значит, из тебя начальник стражи, если не можешь унять.

– А я и не просился на должность собачью, между прочим... эта... Так что мне просителям-то сказать?

Ингви тяжело вздохнул.

– Нет, я должен куда-то скрыться... На неделю, на две или на три. Пока все привыкнут, что у них есть король... не такой король, который наконец-то вернулся и сделал всех счастливыми, а такой, которому нужно повиноваться и платить налоги. Да, трех недель, наверное, хватит! Я на некоторое время исчезну... Никлис, Мертенка ко мне! И командира орков! Кто у них за старшего?

За старшего у орков оказался Звент – молодой воин успел сделать карьеру и дослужился до звания сотника. Ингви велел ему организовать караульную службу в городских воротах, обходы стен и прочее, что положено в укрепленном городе. Мертенку демон поручил «привести в порядок финансы», а когда канцлер принялся жаловаться, что все запущено и развалено, и что непонятно, с чего начать, и что предстоят выплаты, а в казне свищет ветер, строго отрезал:

– Вы, сэр, мой канцлер и подобные вещи должны понимать лучше меня самого. У нас имеются поместья покойно-

го Кадор-Манонга, все, что можно оттуда вывезти и реализовать – пускайте в ход... Кстати, Звент, а твой сеньор не собирается вручить нам налоги с графства Ничейные Поля?

Молодой орк доложил, что – конечно, да, собирается. Обоз уже формируют... Мертенк немного успокоился, он прекрасно знал, что если орки привезут денег, то этого хватит надолго.

Ингви раздал кое-какие указания (да, кстати, велел канцлеру назначить толстому инвалиду-кузнецу пенсию), и приказал собирать конвой – он отправляется на запад. Хочет, не спеша, проехать по Энмарскому тракту до самой границы, до Благословенного Края. А Звент пусть выделит два десятка солдат, желательно каменщиков – нужно снова основать пограничный пост, таможню... Вообще-то у Ингви были большие планы по благоустройству Энмарского тракта – верстовые столбы, места ночевок с казенными питейными заведениями... Конечно, в царствование Кадор-Манонга торговля существенно сократилась. Но демон надеялся, что в скором времени убедит энмарцев в безопасности старого пути, тем более что в Аплду дошли слухи с западного побережья – там снова активизировались морские разбойники, северянам удалось сильно потрепать энмарский и имперский боевые флоты. Сухопутный путь наверняка должен выглядеть сейчас предпочтительней... Еще неплохо организовать такую же благоустроенную трассу через Ничейные Поля в Геву – надежно охраняемую орками и с комфортабель-

ными стоянками. Постоялые двory на оживленной дороге – тоже прибыльное дело! Конечно, людей для этого не хватает, придется завлекать добровольцев – соблазнять помощью казны и налоговыми льготами.

Конвой собрали за час, Ингви прихватил с собой, помимо Ннаонны и выделенных Звентом орков, чародея Вентиса, Карикана с Аньгом, полдюжины солдат во главе с верзилой Стером... Прихватили с собой три фургона – припасы, инструменты...

Поскольку колонна, включающая повозки и пеших орков, ползла по тракту неторопливо, Ингви с вампирессой поскакали вперед – просто так, чтобы побыть наедине. Стеру было велено вести колонну, не дожидаясь короля, он потом сам их нагонит или подождет.

Демон с Ннаонной проехали вперед, затем свернули в лесок. Выбрали поросший рыжеватой травой пригорок, привязали лошадей и повалились на залитой солнцем лужайке. Они лежали в траве и глядели в синее-синее небо. Им было хорошо. Никуда не надо спешить, ни о чем заботиться... Даже глядеть никуда не надо – только бездонное небо перед глазами... хорошо...

* * *

Скорей! Скорей! Гезнур поднял конвой до рассвета, быстро позавтракали, оседлали коней – и в путь! Туда, где над

округлыми верхушками сопок предрассветное серое небо начало наливаться розовым светом... Все ярче и ярче... И вот уже над холмами Тролльхейма поднялся ярко-алый слепящий диск.

Спустя два часа после того, как покинули замок Вернест, анрухский сеньор догнал Гезнура и, перекрикивая стук копыт о каменистую почву предгорья, прокричал:

– Скоро граница! Придержите коня, ваше величество! Здесь не годится спешить!

Король вскинул левую руку, подавая знак свите, а правой подобрал поводья. Когда перешли на шаг, спросил:

– А почему бы нам не поторопиться? Вы говорили, сэр, что тролли будут ждать на границе.

– Э, видите ли, ваше величество... – сопровождающий замялся. – Граница-то – она, конечно, рядом... Но ее как бы и нет, хотя, разумеется, граница есть... Граница нерушима и невидима.

– Как это?

– Мы знаем, где проходит граница, и соблюдаем ее весьма тщательно, поверьте! Но каменюки-то этого не знают! Им бессмысленно объяснять некоторые вещи. Вот, скажем, граница... Наши все знают, начиная с каких пор в холмы лучше не соваться. Вы заметили, что после Вернеста мы не встретили ни единой души?

– Но ведь утро, в такую рань – кого же можно встретить?

– Однако ни дымка, ни жилья! Ничего! А все эти земли

принадлежат Андруху! Тролли бродят здесь, когда хотят, не соблюдая границ. Просто не знают и не желают знать, какие камни и холмы считаются принадлежащими Андруху, а какие еще нет. Вот здесь никто и не селится, потому что рискованно. Троль, проходя, может разрушить дом, растоптать стадо – не со зла, а просто потому, что не пожелал переступить через овцу. Или, допустим, если он голоден... Эти булыжники – такие тугодумы! Такой, если случится над чем-то задуматься, может часами шагать...

– Не замечая ничего на пути? – покачал головой Гезнур.

– Учитывая из размеры – скорей, не замечая ничего под ногами... А теперь, ваше величество, велите своим людям придержать коней. Отсюда мы поведем вас так, как положено передвигаться в Трольхейме.

– Однако я думал, мы еще на Андрухской земле?

Гезнур огляделся, рельеф был уже совершенно не тот, что в западной, равнинной части Андруха. Местность представляла собой монотонное чередование пригорков и долин между ними – будто вздыбились волны на море, да и застыли каменистыми холмами...

– Мы полагаем так, – согласился дворянин, – но булыжники могут считать иначе.

Рыцарь созвал своих латников и отдал приказы. Теперь ритм движения изменился. Дозорные из числа местных выезжали вперед, поднимались на сопки, осматривали окрестности и подавали знак – тогда колонна пересекала очеред-

ную долину, а разведчики взбирались на следующий холм... Гезнур задумался... Вверх-вниз, вверх-вниз... Захотелось спать, сказывалась изнурительная скачка и слишком короткий сон на привалах... Из забытья короля вывели крики дозорных. Гезнур встрепенулся и оглядел холмы. Точно по ходу колонны, под слепящим диском солнца, искажающим очертания пригорка, вершина сопки будто бы колебалась под ветром.

– Это тролль! – крикнул андрухский дворянин, прищипывая коня. – Бредет, не спеша, вперевалку! Подождите здесь, ваше величество, я переговорю с ним!

И ускакал, сопровождаемый оруженосцами. Гезнур созвал своих и принялся наблюдать, как всадники, вздымая пыльный шлейф, мчатся к холму, вершина которого теперь замерла. Тролль заметил людей и остановился.

Кавалеристы приблизились к холму, однако сохранили порядочную дистанцию – на всякий случай. Несколькими минутами позже дворянин помахал рукой.

– Едемте, ваше величество, позвал солдат из местных, – его милость сговорились с булыжником.

Колонна снова тронулась в путь. Гезнур взял немного правее, чтобы лучше разглядеть тролля заранее, не против солнца. Тролль, как тролль, ничего особенного – шестиметровая скала, едва-едва отесанная неумелым скульптором, чтобы придать ей человеческие очертания. Очень, очень неумелым скульптором. Когда всадники поднялись на холм, великан

махнул лапищей и побрел под уклон, кавалькада неспешно потянулась следом. Перевалив еще через две высоты, Гезнур увидел Верховного Тролля, окруженного соплеменниками. Послов в самом деле ожидали. Предводитель булыжников, как именовали нелюдей местные, отличался от подданных пропорциями – он все же был очень юн, а сопровождали его отборные бойцы, рослые даже по тролльим меркам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.